

skaramanga_1970

РОССИЯ, КОТОРУЮ ОНИ ПОТЕРЯЛИ

Подборка постов ЖЖ-юзера [skaramanga_1970](#) на тему царской России, по которой многие любят ностальгировать. Постов было много, они небольшие и разбитые на части, поэтому я решил свести все в один текст для удобства.

Выделения автора оставляю as is.

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ (или контрольный в голову)

«Перестанемте, господа, обманывать себя и хитрить с действительностью! Неужели такие чисто зоологические обстоятельства, как недостаток питания, одежды, топлива и элементарной культуры у русского простонародья, ничего не значат? ... Неужели ничего не значит наша постыдная, нигде в свете не встречаемая детская смертность, при которой огромное большинство живой народной массы не доживает даже до трети человеческого века?»

М. Меньшиков «Из писем к ближним». М., 1991. С. 158.

В одном из ранее опубликованных мною постов по теме: «РОССИЯ, КОТОРУЮ ОНИ ПОТЕРЯЛИ» (речь там шла о естественном приросте и смертности в Российской империи и странах Европы) я приводил вот эту цитату из книги В.Б. Безгина «Крестьянская повседневность. Традиции конца 19 - начала 20 века»:

«По подсчетам демографов, русская крестьянка этого периода (рубеж XIX – XX веков – прим.) рожала в среднем 7-9 раз. Среднее число родов у крестьянок в Тамбовской губернии составляло – 6,8 раза, а максимум 17. Вот, некоторые выписки из отчета гинекологического отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897, 1901 гг.:

«Евдокия Мошакова, крестьянка, 40 лет, замужем 27 лет, рожала 14 раз»; «Акулина Манухина, крестьянка, 45 лет, замужем 25 лет, рожала 16 раз».

В условиях отсутствия искусственного регулирования рождаемости количество детей в семье зависело исключительно от репродуктивных возможностей женщины.

Высокая младенческая смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения. **По данным обследований (1887-1896 гг.) удельный вес умерших детей до пяти лет в среднем по России составлял 43,2 %, а в ряде губерний свыше 50 %».**

Согласитесь, данные о детской смертности впечатляют, не правда ли? Я решил «копнуть» в этом вопросе по-глубже и то, что я «накопал» повергло меня в самый настоящий шок –

«По данным за 1908-1910 гг. количество умерших в возрасте до 5 лет составляло почти 3/5 общего числа умерших. Особенно высокой была смертность детей в грудном возрасте» (Рашин «Население России за 100 лет. 1811-1913гг.»).

Вы думаете, этот автор преувеличивает? Тогда почитайте еще один источник - Н.А. Рубакин «Россия в цифрах» (С-Петербург, издание 1912 года):

«... в 1905 г. из каждой 1000 умерших обеих полов в 50 губерниях Европейской России приходилось на детей до 5 лет 606,5 покойников, т.е. почти две трети (!!). Из каждой 1000 покойников мужчин приходилось в этом же году на детей до 5 лет 625,9, из каждой 1000 умерших женщин - на девочек до 5 лет – 585,4. Другими словами, у нас в России умирает ежегодно громадный процент детей, не достигших даже 5-летнего возраста, - страшный факт, который не может не заставить нас задуматься над тем, в каких же тяжелых условиях живет российское население, если столь значительный процент покойников приходится на детей до 5 лет».

Обратите внимание, в приведенных мною цитатах речь идет не о глухих и темных годах крепостничества и полного бесправия крестьянства царской России, а о начале 20-го века! Говоря об этом времени, любители и почитатели царизма любят доказывать, что империя была «на взлете»: экономика росла, благосостояние народа тоже, повышался уровень образованности и медицинского обслуживания.

«Господа»!!! Не все так, как вам думается! Почитайте современников того «благополучного» времени, к примеру, Нечволодова (замечу Вам - русского, жандармского генерала, крупнейшего аналитика царских спецслужб) «От разорения к достатку», издания 1906 года (этот материал я давал), Рубакина «Россия в цифрах» издания 1912 года, Новосельского «Смертность и продолжительность жизни в России» издания 1916 года.

Главный итог – это гигантский внешний долг Российской империи к 1914 году, распродажа («...не продаем, а распродаемся» - как писал Нечволодов) национальных богатств иностранцам, скупка теми же иностранцами базовых отраслей промышленности: металлургии, судостроения, нефтяной промышленности и т.д., ее мизерная доля промышленного производства в общемировом производстве, существенное отставание от США, Англии, Франции, Германии по размерам валового национального продукта на душу населения – «Европейская Россия, сравнительно с другими странами, - **страна полунищая**» (Рубакин «Россия в цифрах», издание 1912 года).

Главное – было бы желание прочесть тех авторов, о которых я говорю, а нет – хотя бы прочтите то, что я уже привел у себя в Живом журнале по теме «РОССИЯ, КОТОРУЮ ОНИ ПОТЕРЯЛИ» (тэг «Царская Россия»). Все, что там выложено, основано именно на этих источниках (и на других авторах), плюс статистические данные из Сборника «Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник».

Однако я несколько отошел от темы детской смертности в Российской империи. Думаю, что то, что вы о ней уже прочитали у меня, Вас заинтересовало. Теперь же я приведу Вам самую подробнейшую статистику, которая убедит Вас, что тот ужас о котором написал и Рашин, и Рубакин таковым и был.

А начнем мы со смертности грудных детей **в возрасте до 1 года** в Европейской России за период 1867-1911гг.

В следующей таблице (источник – П.И. Куркин «Смертность и рождаемость в капиталистических государствах Европы», издания 1938 года) приведены показатели детской смертности за весь рассматриваемый период.

Из 100 родившихся младенцев умерло **в возрасте до 1 года:**

1867	г.	–	24,3;
1868	г.	–	29,9;
1869	г.	–	27,5;
1870	г.	–	24,8;
1871	г.	–	27,4;
1872	г.	–	29,5;
1873	г.	–	26,2;
1874	г.	–	26,2;
1875	г.	–	26,6;
1876	г.	–	27,8;
1877	г.	–	26,0;
1878	г.	–	30,0;
1879	г.	–	25,2;
1880	г.	–	28,6;
1881	г.	–	25,2;
1882	г.	–	30,1;
1883	г.	–	28,4;
1884	г.	–	25,4;
1885	г.	–	27,0;
1886	г.	–	24,8;
1887	г.	–	25,6;
1888	г.	–	25,0;
1889	г.	–	27,5;
1890	г.	–	29,2;
1891	г.	–	27,2;
1892	г.	–	30,7;
1893	г.	–	25,2;
1894	г.	–	26,5;
1895	г.	–	27,9;
1896	г.	–	27,4;
1897	г.	–	26,0;
1898	г.	–	27,9;
1899	г.	–	24,0;
1900	г.	–	25,2;
1901	г.	–	27,2;
1902	г.	–	25,8;
1903	г.	–	25,0;
1904	г.	–	23,2;
1905	г.	–	27,2;
1906	г.	–	24,8;
1907	г.	–	22,5;
1908	г.	–	24,4;
1909	г.	–	24,8;
1910	г.	–	27,1;
1911 г.			– 23,7.

При общей высокой детской смертности, чрезвычайно высокой оказалась детская смертность в 1868, 1872, 1878, 1882, 1890 и 1892 гг.

Минимальная смертность за 1867-1911 гг. была достигнута в 1907 г. Но стоит ли радоваться тому факту, что в этом году был получен такой рекордно низкий показатель? На мой взгляд – нет! В дальнейшем (1908-1910 гг) он опять растет до 27,1, после которого снова наступил спад до 23,7, что вполне естественно, если проанализировать тенденцию изменения детской смертности с 1867г. Тенденция одна и та же – **после всякого падения этого показателя для младенцев до 1 года, опять идет его рост.**

Единственный повод для некоторого оптимизма сторонников царской империи, это то, что после 1892 года до 1911 года показатель детской смертности среди младенцев до 1 года не достигал рекордных для 1892 года 30,7 умерших младенцев на 100 родившихся и демонстрировал незначительное снижение в максимуме. Но при этом, прошу не забывать, что с началом Первой Мировой войны экономическая ситуация в Российской империи только ухудшалась, что никак не могло не отразиться на детской смертности, ибо как справедливо отмечал все тот же Рубакин: **«...Всякое народное бедствие, будь то неурожай, эпидемия и т.д., прежде всего, отражается на детской смертности, которая немедленно возрастает».**

А теперь, если у кого-то из почитателей царизма зачесался язык обвинить Куркина в том, что приведенные им цифры необъективны (издание, дескать, 1938 года, т.е. сталинское), предлагаю, справедливости ради, ознакомиться еще с одним источником.

В работе С.А. Новосельского «Обзор главных данных по демографии и санитарной статистике», **издания 1916 года (!)** опубликованы следующие сводные данные о смертности грудных младенцев до года в Европейской России за 1867-1911 гг.

Итак, из 100 родившихся младенцев умерло в возрасте **до 1 года** (за пятилетия):

1867-1871	гг.	–	26,7	(26,78	у	Куркина);
1872-1876	гг.	–	27,3	(26,26	у	Куркина);
1877-1881	гг.	–	27,0	(27,0	у	Куркина);
1882-1886	гг.	-	27,1	(27,14	у	Куркина);
1887-1891	гг.	–	26,9	(26,9	у	Куркина);
1892-1896	гг.	–	27,5	(27,54	у	Куркина);
1897-1901	гг.	–	26,0	(26,06	у	Куркина);
1902-1906	гг.	–	25,3	(25,2	у	Куркина);
1907-1911 гг.			– 24,4	(24,5 у Куркина).		

Сами видите, данные обоих авторов практически идентичны. И хотя данные за пятилетия, демонстрируют тенденцию снижения детской смертности среди младенцев до 1 года с 1892-1896гг. по 1907-1911гг. на 11,27%, это снижение, в общем-то, весьма незначительное, с началом Первой мировой войны было прервано в связи со стремительным ухудшением экономической и эпидемиологической ситуацией в империи.

К примеру, **заболеваемость сыпным тифом в Российской империи выросла с 118,4 тыс. заболеваний в 1913 году до 133,6 тыс. в 1916 году.** И это только зарегистрированные случаи, среди которых все в том же «благополучном» 1913 году согласно «Отчета о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи за 1913 год» только 20% подвергались больничному лечению!

А теперь, небольшое «лирическое» отступление для тех, кто все-таки, не читал мои материалы. Российская империя по данным все того же Новосельского («Смертность и продолжительность жизни в России» **издания 1916 года**) среди приведенных им стран Европы еще в сравнительно благополучные 1905-1909гг. **демонстрировала первенство по смертности от оспы, кори, скарлатины, дифтерии, коклюша. Чесоткой (!) и малярией (!) в благополучном 1912 году болело больше, чем гриппом (4.735.490 чел. и 3.537.060 чел. соответственно, против 3.440.282 чел.)** (Статистический сборник России. 1914 г., данные даны и за 1912г.). Как всегда непредсказуемо даже в благополучные годы вела себя холера. К примеру, **в 1909г. от нее умерло 10 тыс. 677 чел**, а уже в следующем **1910г. – 109 тыс. 560 чел., т.е. более чем в 10 раз! И это тоже, только зарегистрированных случаев.** (М.С. Оницканский «О распространении холеры в России», СПб, 1911 год). Уверенно рос ежегодный показатель заболеваемости туберкулезом, от 278,5 тыс. в 1896г. до 876,5 тыс. в «благоденственном» 1913 году. И он никогда (!) (с упомянутого 1896 года) не имел тенденции к уменьшению! (Новосельский «Смертность и продолжительность жизни в России», **издание 1916 года**).

Плачевная ситуация эта в Российской империи с началом Первой Мировой войны лишь ухудшалась. Поэтому, как я уже и говорил выше, Рубакин абсолютно справедливо заметил: **«...Всякое народное бедствие, будь то неурожай, эпидемия и т.д., прежде всего, отражается на детской смертности, которая немедленно возрастает».**

Думаю, что после приведенной статистики никому не захочется утверждать, что Первая Мировая война, как народное бедствие, была лучше неурожая или эпидемии, и ее последствия никак не отразились на детской смертности вообще, и младенцев до 1 года в частности.

Теперь ставим точку на «лирическом» отступлении и опять возвращаемся к теме разговора.

Хотите знать, какие из 50 губерний Европейской части Российской империи лидировали по детской смертности среди младенцев до 1 года?

Ответ на этот вопрос у меня есть! Так вот, **за 1867-1881 гг.** лидерами по детской смертности (на 1000 малышей в возрасте до 1 года) были следующие губернии:

Пермская – 438 детей (Тихий ужас!!!);
Московская – 406 детей (и это не окраина империи заброшенная!);
Нижегородская – 397 детей (!);
Владимирская – 388 детей (!);
Вятская – 383 ребенка (!)

Обобщающий результат по 50 губерниям Европейской России – **271 ребенок (до 1 года) умер на 1000 родившихся.**

За 1886-1897 гг. лидерами по детской смертности (на 1000 малышей в возрасте до 1 года) из 50 губерний Европейской части Российской империи были следующие губернии:

Пермская – 437 детей (Опять самый высокий показатель среди 50 губерний);
Нижегородская – 410 детей (Тихий ужас!);
Саратовская – 377 детей (!);
Вятская – 371 ребенок (!);
Пензенская и Московская по 366 детей (!);

Обобщающий результат по 50 губерниям Европейской России – **274 ребенка (до года) умерло на 1000 родившихся.**

За 1908-1910 гг. лидерами по детской смертности (на 1000 малышей в возрасте до 1 года) из 50 губерний Европейской части Российской империи были следующие губернии:

Нижегородская – 340 детей;
Вятская – 325 детей;
Олонецкая – 321 ребенок;
Пермская – 320 детей;
Костромская – 314 детей;

Обобщающий результат по 50 губерниям Европейской России – **253 ребенка (до года) умерло на 1000 родившихся.**

(Источники: Д.А. Соколов и В.И. Гребенщиков «Смертность в России и борьба с ней», 1901 г., «Движение населения в Европейской России за 1908, 1909 и 1910 гг.»)

Ну вот, скажите вы. Максимальные показатели детской смертности (для младенцев до 1 года) по сравнению с 1867-1881 гг. уменьшились!

О-о-о!!! Не торопитесь делать выводы!

К 1908-1910 гг. коэффициенты детской смертности понизились преимущественно в ряде губерний с особо высокой детской смертностью (в Пермской, Московской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Петербургской, Оренбургской, Казанской) **и повысились в Курской, Киевской, Бессарабской, Витебской, Ковенской, Екатеринославской, Виленской губерниях, Области Войска Донского.**

К примеру, в Области Войска Донского за 1867-1881 гг. показатель детской смертности был **160** умерших младенцев до 1 года на 1000 родившихся, в 1886-1897 гг. он стал **206** умерших младенцев до 1 года на 1000 родившихся, а в 1908-1910 гг. он вырос до рекордных **256** умерших до 1 года на 1000 родившихся. Рост смертности в этой области не менее впечатляет своими темпами, чем падение смертности, скажем, в Пермской губернии.

По остальным губерниям изменения коэффициентов смертности грудных детей до 1 года за 1867-1881 и 1908-1910 гг. были сравнительно небольшими.

И еще. Небольшой комментарий, касающийся Московской губернии. П.И. Куркин в своем специальном исследовании о детской смертности в Московской губернии за 1883-1892 гг. указывал: **«Дети, умершие в возрасте ранее 1-го года жизни, составляют 45,4% общей суммы умерших всех возрастов в губернии,** причем отношение это по отдельным пятилетиям колеблется от 46,9% в 1883-1897 гг. до 45,7% в 1888-1892 гг. и до 43,5% в 1893-1897 гг.» (Источник – Куркин «Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883-1897 гг.», 1902 г.).

Для полной ясности следует привести еще картину по смертности грудных детей **за 1908-1910 гг.**

Итак, 50 губерний Европейской России можно разделить на следующие 5 групп:

1-я группа с показателем смертности от 14 до 18% - 11 губерний: Эстляндская, Курляндская, Лифляндская, Виленская, Минская, Гродненская, Подольская, Волынская, Таврическая, Екатеринославская, Полтавская, расположенные на западе и юге Российской империи. (Хоть бы одна русская губерния, Е-МОЕ!!!);

2-я группа, где смертность была от 18 до 22% - 8 губерний: Витебская, Могилевская, Ковенская, Бессарабская, Херсонская, Харьковская, Черниговская, Уфимская, расположенные главным образом (за исключением башкирской Уфимской губернии) на западе и юге Российской империи. (А где же исконно русские губернии???)

3-я группа, имеющая показатель смертности от 22 до 26%, - 6 губерний: Астраханская, Киевская, Казанская, Оренбургская, Архангельская, Область Войска Донского;

4-я группа со смертностью от 26 до 30% - 14 губерний: Петербургская, Ярославская, Псковская, Вологодская, Новгородская, Московская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская, Тульская, Тамбовская, Саратовская, Самарская, расположенные преимущественно в центральной полосе, на северо-востоке и юго-востоке Российской империи **(Вот она Центральная Россия! Вот где Русь вырождалась!);**

5-я группа с показателем смертности от 30% и более – 11 губерний: Калужская, Тверская, Пензенская, Смоленская, Владимирская, Симбирская, Костромская, Олонецкая, Вятская, Пермская, Нижегородская губернии, расположенные преимущественно на севере и в центральной части России. Причем, **Нижегородская, Вятская, Олонецкая и Пермская губернии имели показатель детской смертности выше 32%!;**

Источник всех этих данных - Рашин «Население России за 100 лет. 1811-1913гг.». Кто не верит – что все, что я выложил там, есть – найдите эту великолепную книгу, откройте и почитайте. Все очень просто!

А теперь небольшой шок! Цифры, которые я приводил выше, относительны, т.е. мы говорили о смертности детей до 1 года на 1000 родившихся. А сколько в абсолютном числовом выражении умерло детей до 1 года, хотя бы за какой-то из рассматриваемых периодов?

И здесь нам Рашин помог:

«По данным за 1895-1899 гг. из общего числа в 23 млн. 256 тис. 800 родившихся младенцев умерло в возрасте до года – 6 млн. 186 тыс. 400 детей !!! НУ ЧЕМ ЭТО НЕ САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ ГЕНОЦИД!!! Любителям царской России есть что сказать?»

Думаю, что вопрос риторический...

Но и это еще не все. В заключение рассмотрения смертности детей до 1 года в Российской империи, приведу еще одно очень полезное сравнение (Н.А. Рубакин «Россия в цифрах» (С-Петербург, 1912 год):

«Следующая таблица показывает то место, которое занимает Россия среди других народов земного шара по смертности своих детей.

В 1905 году из 1000 родившихся умирало до 1 года:

В Мексике – 308 дет.;

В России – 272 реб.;

В Венгрии – 230 дет.;

В Австрии – 215 дет.;

В Германии – 185 дет.;

В Италии – 166 дет.;

В Японии – 152 реб.;

Во Франции – 143 реб.;

В Англии – 133 реб.;

В Голландии – 131 реб.;

В Шотландии – 116 дет.;

В Соединенных Штатах Америки – 97 дет.;

В Швеции – 84 реб.;

В Австралии – 82 реб.;

В Уругвае – 89 дет.;

В Новой Зеландии – 68 дет».

Эти цифры до того красноречивы, до того ярки, что какие-либо объяснения к ним становятся совершенно излишними.

В этой связи, в официальном обзоре «Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России», составленной директором Центрального статистического комитета проф. П. Георгиевским, мы встречаем следующее признание:

«Прошло 25-30 лет... Во всех государствах смертность сильно понизилась, даже там, где она весьма низко стояла, как, например, в Швеции, где она уменьшилась чуть не в двое с 13,2 до 7,5. Наоборот, России – по этим данным, относящимся к 1901 г., не только сравнительно с европейскими, но и со всеми государствами (исключая одну Мексику, где коэффициент достигает 30,4) принадлежит печальное первенство в смысле потери наибольшего числа младенцев в течении первого года их жизни сравнительно с числом родившихся в том же году, а именно, на 100 живорожденных приходится 27,2 умерших на первом году жизни (здесь речь идет о числе умерших детей на 100 родившихся – прим.)» (Источник – П. Георгиевский «Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России», 1914 г.).

Пусть мои оппоненты из «золотопогонного» лагеря попытаются это как-то прокомментировать. А я посмотрю, что у них получится...

На этом вопрос о детской смертности среди младенцев до 1 года считаю закрытым.

Переходим к вопросу о детской смертности среди детей, которые умерли в возрасте до 5 лет, поскольку именно с них и начался наш с Вами разговор на тему детской смертности в Российской империи. Напоминаю, сакраментальную фразу Н.А. Рубакина («Россия в цифрах», С-Петербург, издание 1912 года):

«... в 1905 г. из каждой 1000 умерших обеих полов в 50 губерниях Европейской России приходилось на детей до 5 лет 606,5 покойников, т.е. почти две трети (!!!)

Забегая наперед хочу сказать сразу - это тихий ужас в самых ярких красках!

Итак, наш главный источник уже хорошо известный Вам Рашин «Население России за 100 лет. 1811-1913гг.». И будем его мы приводить (что касается детской смертности для детей до 5 лет) за те же периоды, что и при рассмотрении детской смертности для младенцев до 1 года.

Так вот, **за 1867-1881 гг.** лидерами по детской смертности (на 1000 малышей в **возрасте до 5 лет**) были следующие губернии:

Московская – 554 ребенка (тихий ужас для древней столицы государства Российского!!!);

Пермская – 541 ребенок (среди умерших младенцев до 1 года она была лидером в этот период);

Владимирская – 522 ребенка (!);

Нижегородская – 509 детей (!);

Вятская – 499 детей (!)

Обобщающий результат по 50 губерниям Европейской России за 1867-1881 гг. – 423 ребенка (до 5 лет) умерших на 1000 родившихся.

За 1887-1896 гг. лидерами по детской смертности (на 1000 малышей в **возрасте до 5 лет**) были следующие губернии:

Пермская – 545 детей (Лидер и по смертности среди младенцев до 1 года за этот же период);

Нижегородская – 538 детей (!);

Тульская – 524 ребенка (!);

Пензенская – 518 детей (!);

Московская – 516 детей (!);

Обобщающий результат по 50 губерниям Европейской России за 1867-1881 гг. – 423 ребенка (до 5 лет) умерших на 1000 родившихся.

За 1908-1910 гг. лидерами по детской смертности (на 1000 малышей в возрасте до 5 лет) были следующие губернии:

Самарская – 482 ребенка;

Смоленская – 477 детей;

Калужская – 471 ребенок;

Тверская – 468 детей;

Саратовская – 465 детей;

Обобщающий результат по 50 губерниям Европейской России – 389 детей (до 5 лет) умерло на 1000 родившихся.

С 1867-1881 по 1908-1910 гг. смертность детей в возрасте до 5 лет в среднем по Европейской России уменьшилась с 423 до 389 детей на 1000 родившихся. При этом, наряду с группами губерний, в которых показатель детской смертности понизился, имеется группа губерний, где изменения смертности были сравнительно незначительными, а также группа губерний, где детская смертность повысилась.

Если проанализировать показатели детской смертности для умерших детей в возрасте до 5 лет на 1000 родившихся (по трем рассматриваемым периодам) для 50 губерний Европейской России, то получим прелюбопытнейшие данные:

1867-1881 гг.

500 и более (!) детей умерло в 4 губерниях;

450-500 детей умерло в 13 губерниях;
400-450 детей умерло в 14 губерниях;
350-400 детей умерло в 8 губерниях;
300-350 детей умерло в 7 губерниях;
Менее 300 детей умерло в 4 губерниях.

1887-1896 гг.

500 и более (!) детей умерло в 12 (!!) губерниях;

450-500 детей умерло в 9 губерниях;
400-450 детей умерло в 10 губерниях;
350-400 детей умерло в 8 губерниях;
300-350 детей умерло в 7 губерниях;
Менее 300 детей умерло в 4 губерниях.

Заметьте, как существенно выросло число губерний, где детская смертность для детей до 5 лет была 500 (и более) умерших на 1000 родившихся. Я практически уверен, что если поднять данные по смертности по губерниям Российской империи, где прошелся голод 1891-1892 годов, то окажется, что именно эти губернии лидируют по смертности среди детей до 5 лет. Как-то я займусь этим вопросом, а пока продолжим.

1908-1910 гг.

500 и более детей не умерло ни в одной губернии;

450-500 детей умерло в 7 губерниях;
400-450 детей умерло в 18 губерниях;
350-400 детей умерло в 9 губерниях;
300-350 детей умерло в 7 губерниях;
Менее 300 детей умерло в 9 губерниях

Положительная динамика по детской смертности для детей до 5 лет, пусть и крайне малая, но, все-таки имеется. Губерний, где умирало 500 и более детей до 5 лет на 1000 родившихся, уже нет, стало больше губерний, где умирало менее 300 детей в возрасте до 5 лет на 1000 родившихся, но при всем этом, **существенно выросло число губерний, где умирало от 400 до 450 детей в возрасте до 5 лет на 100 родившихся.**

Вот и делайте теперь выводы после этого всего, а чтобы вам чуть-чуть помочь, я опять приведу Вам небольшую цитатку из Рубакина «Россия в цифрах» (С-Петербург, 1912 год):

«... в некоторых углах Казанской губернии в 1899-1900 гг., в некоторые народные школы не было приема учеников, так как те, кто должен был поступать в этом году в школу, «сделались покойниками» 8-9 лет тому назад, в эпоху великого народного бедствия 1891-1892 гг., которое, впрочем, не самое большое, а каких немало в русской истории».

И еще. Я сознательно не хочу много говорить и писать о причинах, породивших то ужасное положение, в котором находилась Российская империя по детской смертности среди детей до 5 лет. Кому это интересно, может прочитать об этом у Безгина «Крестьянская повседневность. Традиции конца 19 - начала 20 века», а также у Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса».

Остановлюсь на этом вопросе лишь вскользь.

Итак, основными причинами высокой детской смертности в царской России была:

- антисанитария, вызванная условиями жизни крестьянства и жителей города, и в связи с этим постоянные вспышки инфекционных заболеваний (особенно летом). Вот, к примеру, небольшая цитата из «Объяснительной записки к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 г.» (СПб., 1912. С. 194-200):

«В результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907-1910 гг. оказалось, что одною из причин широкого распространения эпидемий тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами». Если такое положение наблюдалось в крупнейших городах Российской империи, то каковым оно было там, где не было никакого водопровода вообще, и где культура быта была на уровне грязных курных хат (кто не в курсе - большинство крестьянских изб топились «по-черному»). Источник – Безгин «Крестьянская повседневность. Традиции конца 19 - начала 20 века»)?

Неудивительно, что при этом, **основной болячкой империи была именно чесотка**, а болели ею, в большинстве своем, не жители Среднеазиатских владений Российской империи, а жители Европейской части Российской империи (Источник: «Статистический сборник России. 1914 г.»).

- низкий уровень медицинского обслуживания населения империи. И об этом я уже писал ранее в одном из своих постов по теме «РОССИЯ, КОТОРУЮ ОНИ ПОТЕРЯЛИ», но не откажу себе в удовольствии напомнить (кто не читал тот мой пост) некоторые цифры, касательно «Организации врачебной помощи в России в 1912 г.»:

- на 1 больницу в Российской империи приходилась площадь в **2.327 кв. верст (!)**;

- на 10.000 населения империи приходилось всего **12,6 коек (!)**;

- на 10.000 населения приходилось **1,3 врача (!)**;

- на 10.000 населения приходилось **1,7 фельшеров (!)**;

- на 10.000 населения приходилось 1,7 повивальных бабок женского пола.

(Источник: «Статистический сборник России. 1914 г.», данные в нем приведены и за 1912 год).

- постоянное недоедание и употребление в еду разного рода сурогатов основной частью крестьянства, вызванное частыми, так называемыми, «недородами», под которыми на самом деле понимать нужно голод. Александра III, — свидетельствовал знаменитый адвокат О. О. Грузенберг, — раздражали упоминания о «голоде», как слове, выдуманном теми, кому жрать нечего. Он высочайше повелел заменить слово «голод» словом «недород». Главное управление по делам печати разослало незамедлительно строгий циркуляр.

Русский социалист-народник, агроном и публицист Александр Энгельгардт сообщал в «Письмах из деревни»:

«Дети питаются хуже, чем телята у хозяина, имеющего хороший скот. Смертность детей куда больше, чем смертность телят, и если бы у хозяина, имеющего хороший скот, смертность телят была так же велика, как смертность детей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно. А мы хотим конкурировать с американцами, когда нашим детям нет белого хлеба даже в соску? Если бы матери питались лучше, если бы наша пшеница, которую ест немец, оставалась дома, то и дети росли бы лучше, и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаём кровь нашу, то есть мужицких детей» (Письма из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С.351–352, 353, 355).

Не изменились ситуация в этом плане и в начале 20-го века. Вот, к примеру, что мы находим в работах санитарных врачей Д.А. Соколова и В.И. Гребенщикова («Смертность в России и борьба с ней», 1901 год):

«Население существует впроголодь, а часто и вовсе голодающее, не может дать крепких детей, особенно, если к этому прибавить те неблагоприятные условия, в каких помимо недостатка питания, находится женщина в период беременности и вслед за нею».

Ну, вот мы, наконец, и подошли к главному, с чего и начался этот материал, т.е. с утверждения о том, что на 1000 умерших в 1905г., а также в 1908-1910гг., **количество умерших детей в возрасте до 5 лет составляло около двух третей.**

Для сравнения будут также даны эти же данные за 1867-1881гг. Это позволит увидеть динамику развития детской смертности по отдельным возрастным категориям. Кроме того, для полноты картины, вы увидите также данные и по взрослым возрастным категориям.

Итак, основные показатели о распределении умерших в Европейской России по возрастным группам за 1867-1881 и 1908-1910 гг., следующие:

За 1867-1881 гг. на 1000 умерших приходилось:

Детей до 1 года – 370;

Детей от 1 до 5 лет – 211,4;

Детей от 5 до 10 лет – 48,6;

Детей от 10 до 15 лет – 19,1.

(а теперь интересное продолжение !)

Лиц от 15 до 20 лет – 19,6;

Лиц от 20 до 35 лет – 66,3;

Лиц от 35 до 55 лет – 108,5;

Лиц от 55 до 80 лет – 143,2;

Лиц от 80 и более лет – 13,3.

(Источник - Сборник сведений по России за 1884-1885гг., СПб, 1887г., данные опубликованы у Рашина «Население России за 100 лет. 1811-1913гг.»)

Выводы по данным:

В среднем за 15 лет (1867-1881 гг.) из 1000 умерших приходилось на детей в возрасте до 15 лет 649,1, при этом **умершие в возрасте до 5 лет составили почти 3/5 всех умерших (58,1 %)**. Минимальную смертность имели люди в возрасте от 80 лет и выше !!!

За 1908-1910 гг. на 1000 умерших приходилось:

Детей до 1 года – 381,1;

Детей от 1 до 5 лет – 204,9;

Детей от 5 до 10 лет – 47,9;

Детей от 10 до 15 лет – 19,6.

(а теперь интересное продолжение !)

Лиц от 15 до 20 лет – 20,5;

Лиц от 20 до 30 лет – 42,3;

Лиц от 30 до 40 лет – 40,0;

Лиц от 40 до 50 лет – 44,2;

Лиц от 50 до 60 лет – 52,5;

Лиц от 60 до 70 лет – 62,9;

Лиц от 70 до 80 лет – 55,7;

Лиц от 80 и более лет – 27,7;

Неизвестного возраста – 0,7

(Источник – «Движение населения в Европейской России за 1908, 1909 и 1910гг.», данные опубликованы у Рашина «Население России за 100 лет. 1811-1913гг.»)

Выводы по данным:

В среднем за 3 года (1908-1910 гг.) из 1000 умерших приходилось на детей в возрасте до 15 лет 653,5 (чуть больше чем за 1867-1881гг.), при этом **умершие в возрасте до 5 лет составили почти 3/5 всех умерших (58,6 %)**. Стали активнее вымирать люди в возрасте от 80 лет и выше !!!

Настоящий раздел дополним некоторыми данными о средней продолжительности жизни в России.

В работе П.И. Куркина «Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы» приведены данные, полученные на основании материалов переписи 1897 г. и данных об умерших за 1896-1897 гг. Средняя продолжительность жизни составляла (число лет жизни):

Европейская Россия: мужчин – 29,3; женщин – 31,6;

Украина: мужчин – 35,3; женщин – 36,2;

Белоруссия: мужчин – 37,0; женщин – 37,9;

В среднем: мужчин – 31,4; женщин – 33,4.

Ну вот и все. Конец этой темы.

[Трудовой вопрос \(в т.ч. по женщинам и детям\)](#)

Итак, сегодня я выкладываю материал, который уже давно у меня лежал. Он касается трудового вопроса, т.е. положения рабочего в Российской империи. Особое место здесь уделяется также женскому и детскому труду. Будете читать - обязательно обратите на это внимание.

Есть много интересных и показательных сравнений, так что сами все увидите.

Да, и не спешите критиковать автора. Он, написал все это в памятном 1912 году!

Так что, читайте и делайте выводы...

Нижеприведенная таблица позволяет наглядно видеть, как распределяются мужской, женский и детский труд по некоторым производствам. Таблица эта относится к 1900 году и охватывает собой более полутора миллиона рабочих, из которых 80 тыс. работало на стороне:

Из каждой тысячи рабочих:

1. Обработка металлов: мужчин – 972, женщин – 28, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 11 детей.
2. Обработка питательных веществ: мужчин – 904, женщин – 96, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 14 детей.
3. Обработка дерева: мужчин – 898, женщин – 102, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 12 детей.
4. Обработка минеральных веществ (особенно стеклянное производство): мужчин – 873, женщин – 127, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 63 ребят.
5. Обработка животных продуктов: мужчин – 839, женщин – 161, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 17 детей.
6. Обработка химических веществ: мужчин – 804, женщин – 196, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 2 детей.
7. Обработка бумаги: мужчин – 743, женщин – 257, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 58 детей.
8. Обработка волокнистых веществ: мужчин – 554, женщин – 446, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 27 детей.
9. Нефтеперерабатывающие заводы: мужчин – 995, женщин – 5, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 4 детей.
10. Винокуренные: мужчин – 986, женщин – 14, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 4 детей.
11. Фруктовые, виноградные, водочные: мужчин – 937, женщин – 63, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 40 детей.

12. Пивоваренные: мужчин – 914, женщин – 86, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 15 детей.
13. Свеклосахарные: мужчин – 876, женщин – 124, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 17 детей.
14. Водочные: мужчин – 570, женщин – 430, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 23 детей.
15. Спичечные фабрики: мужчин – 518, женщин – 482, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 141 ребенок.
16. Табачные: мужчин – 322, женщин – 678, в т.ч. малолетних обоего пола (12-15 л.) – 69 детей.

В этой категории производств больше всего в ходу труд малолетних на спичечных и табачных фабриках.

«Вряд ли нужно доказывать, что собственники промышленных предприятий всячески стараются, где только можно, заменить мужской труд женским и детским, как более дешевым, и всякие экономические бедствия, обрушивающиеся на страну, несомненно, увеличивают предложение женского и детского труда, а значит ведут и к падению заработной платы. Тому же явлению способствует и политика, чрезмерно благосклонная к собственникам. С каждым годом женский и детский труд находят себе все большее и большее применение, что иначе и быть не может при той поддержке, какую находят в правительстве собственники заводов и фабрик. Это нарастание женского труда и детского, и все большая и большая замена ими труда мужского, видна из следующей таблицы:

Из каждой 1000 рабочих было:

Женщин:

На табачных фабриках: в 1895г. – 647 чел., в 1904г. – 678 чел.

На спичечных фабриках: в 1895г. – 451 чел., в 1904г. – 482 чел.

На пивоваренных заводах: в 1895г. – 24 чел., в 1904г. – 86 чел.

Детей:

На табачных фабриках: в 1895г. – 91 чел., в 1904г. – 69 чел.

На спичечных фабриках: в 1895г. – 105 чел., в 1904г. – 141 чел.

На пивоваренных заводах: в 1895г. – 4 чел., в 1904г. – 14 чел.

Из этого видно, что применение женского труда возросло во всех трех производствах, указанных выше, а труд детей – на спичечных фабриках и пивоваренных заводах. Интересно, что даже среди малолетних, девочки по немногу вытесняют мальчиков, т.к. и здесь их труд оплачивается дешевле, чем труд этих последних. Например, в 1895г. на спичечных фабриках на каждую тысячу малолетних рабочих приходилось 426 девочек и 574 мальчика, а в 1904г. уже 449 девочек и 551 мальчик. Еще больше возросло число работниц-девочек на табачных фабриках за этот же промежуток времени (с 511 до 648 в каждой тысяче). Появились работницы-девочки и на сахарных заводах, где их раньше вовсе не было (с 0 до 26 на каждую тысячу). Цифры эти говорят сами за себя»

А теперь давайте оценим, как же в Российской империи оплачивался труд рабочего вообще и детский труд в частности.

Возьмем обычного чернорабочего. По данным Вашингтонского бюро труда 1904 г., средний заработок чернорабочего в месяц равнялся:

В Соединенных Штатах – 71 руб. (при 56 рабочих часах в неделю);

В Англии – 41 руб. (при 52,5 рабочих часах в неделю);

В Германии – 31 руб. (при 56 рабочих часах в неделю);

Во Франции – 43 руб. (при 60 рабочих часах в неделю);

В России – от 10 руб. до 25 руб. (при 60-65 рабочих часах в неделю).

Еще яснее видна громадная разница в размере средней заработной платы в России и за границей из следующей таблицы д-ра Е. Дементьева, который сопоставляет в ней средние месячные заработки в Московской губернии, в Англии и в Америке в рублях (для всех без исключения производств):

а) Московская губ.: мужч. – 14,16 руб., женщ. – 10,35 руб., подросток – 7,27 руб., малолетка – 5,08 руб.

б) Англия: мужч. – 21,12 руб., женщ. – 18,59 руб., подросток – 13,32 руб., малолетка – 4,33 руб.

б) Массачузетс: мужч. – 65,46 руб., женщ. – 33,62 руб., подросток – 28,15 руб., малолетка – 21,04 руб.

Сведения эти относятся к 80-м годам, но от этого их сравнительное значение не уменьшается, т.к. заработная плата повысилась, и в Англии, и в Америке, и в России с 1880 по 1912 гг., к тому же в пропорции, еще менее благоприятной для русского рабочего. Как известно, под давлением экономических и иных неурядиц, заставляющих население работать и за скудное вознаграждение, заработная плата русских рабочих, лишенных почти всякой возможности бороться мирными средствами за ее повышение, проявляет относительно малую склонность к повышению. Цены же на рабочие руки в Англии и Америке растут из года в год. Таким образом, и без того значительная разница в зарплате, отмеченная Е. Дементьевым, в настоящее время стала еще значительнее.

«Зарботная плата, констатировал в свое время Е. Дементьев, как по отдельным производствам, так и в средних величинах для всех, без различия, производств, в Англии, а в особенности в Америке, превосходит русскую вдвое, втрое, даже впятеро». Месячная выработка каждого рабочего без различия пола и возраста, в среднем, выше чем у нас: в Англии – в 2,25 раза, в Америке же в 4,8 раза. Выражая ее в рублях находим:

Месячный заработок в:

Московской губ. – 11 руб. 89 коп.

Англии – 26 руб. 64 коп.,

Массачузетс – 56 руб. 97 коп.

В Англии мужчины получают в 2,8 раза больше, чем у нас, женщины в 1,1 раза, подростки – в 1,2 раза. В Массачузетсе мужчины получают в 4 раза больше, чем у нас, женщины в 2,5 раза, подростки – в 3,2 раза.

Новейшие данные дают следующую сравнительную таблицу средних заработков для рабочих трех категорий механического производства, если принять за 100 заработную плату английских рабочих:

Слесаря и токаря:

Англия – 100, Германия – 90,6, Бельгия – 67,3, С-Петербург – 61,5

Чернорабочего:

Англия – 100, Германия – 100, Бельгия – 73,0, С-Петербург – 50,2

Средний бюджет рабочей семьи у нас и за границей (в рублях):

Англия – 936 грн.;

Соединенные Штаты – 1300 грн.;

Германия – 707 грн.;

Европейская Россия – 350 грн.;

С.-Петербург – 440 грн.

(продолжение следует...)

Источник - Н.А. Рубакин «Россия в цифрах» (С-Петербург, издание 1912 года)

Но сравнение заработной платы по ее абсолютным размерам еще мало говорит о положении русского рабочего. Для большей ясности картины необходимо сравнить заработную плату и ее изменения, с течением времени, с ценами на главные предметы потребления и с колебаниями этих цен.

Фабричными инспекторами собраны данные, охватывающие около 1.200.000 рабочих. По этим данным **годовой заработок** рабочих изменялся за 1900-1909 г.г. следующим образом:

1900 г. – 194 руб.;

1901 г. – 202,9 руб.;

1902 г. – 202,4 руб.;

1903 г. – 217 руб.;

1904 г. – 213,9 руб.;

1905 г. – 205,5 руб.;

1906 г. – 231,68 руб.;

1907 г. – 241,4 руб.;

1908 г. – 244,7 руб.;

1909 г. – 238,6 руб.

Заработная плата за 1900-1909 г.г. выросла на 23%. Как будто бы выходит, что положение изменилось за это время для рабочих в значительно лучшую сторону. Но это не совсем так.

Обратим внимание, прежде всего, на те группы товаров, в которые входят предметы продовольствия. В таком случае оказывается, что:

- хлебные продукты возросли за 1900-1909 г.г. на 36,1%;

- животные продукты возросли за 1900-1909 г.г. на 30%;

- масличные продукты возросли за 1900-1909 г.г. на 21,2%.

За эти же годы группа бакалейных товаров возросла на 1,5%, а прядильных (предметы одежды) – на 11,3%.

Вышеприведенные данные показывают возрастание цен **ОПТОВЫХ!** Розничные цены выросли еще больше!

Для сравнения:

- в Англии **розничные (!)** цены на 23 **съестных продукта** за 1900-1908 гг. возросли на **8,4%**;
- в С.-Штатах **оптовые** цены на съестные припасы за 1900-1908 гг. возросли на **19%**;
- в Германии цены возросли за 1900-1908 гг. на **11%**.

(Финн-Енотаевский, Цит. Соч. стр. 380-381)

Вышеприведенная таблица по зарплате русских рабочих 1900-1909 г.г. констатирует один очень интересный факт. Дело в том, что повышение расценок заработной платы происходило главным образом в 1905-1907 гг. Таблица показывает, что годовая заработная плата в 1905 году ниже, чем в 1904 г. и 1903 г. Почему так? Объясняется это тем, что именно в 1905 г. вследствие одних только стачек рабочими было потеряно 23 млн. 600 тыс. рабочих дней.

Кроме того, вследствие закрытия многих фабрик, происходили массовые увольнения рабочих. Действовал также и общий промышленный кризис.

В 1906 г. число стачек сократилось, но рабочие все же потеряли и в этом году 5 млн. 500 тыс. рабочих дней. В 1907 г. было потеряно дней еще меньше, - всего лишь 2 млн. 400 тыс. Благодаря этому, в 1906-1907 гг. средний годовой заработок показывает повышение. Но в эти 2 года уже пошли сильно в ход локауты, и за забастовочные дни уже не платили, особенно в 1907 г. Кроме того, со второй половины 1907 г. начался поворот, и чаша весов склонилась на сторону предпринимателей. Результат был тот, что в то время, как **заработная плата за 1904-1907 гг. возросла на 12,9%, все товары возросли на 18,7%, хлебные продукты – на 37,2%, животные на 21,9%, прядильные на 9,2%, а только бакалейные сократились на 1,4%...**

На самый ужас пролетарского существования особенно ярко иллюстрируется той безработицей, при которой человек работоспособный, бодрый, крепкий и сильный, оказывается и чувствует себя ненужным никому и ничему и словно теряет свое право на существование, превращается, помимо его собственной воли и желания, в непроизводительного дармоеда.

Вряд ли нужно доказывать, да и вряд ли можно доказать общими цифрами, что где-то тут же, около нас, каждый день, каждую секунду многие тысячи, если не сотни тысяч людей находятся в таком «безработном состоянии», и каждый кризис, общий или частный, увеличивает их число, иной раз, до громадных размеров.

Такие кризисы были, например, в 1900-1902 гг, в 1903 г. они несколько сгладились, в 1904 г. обострились снова. Рядом с кризисами надо поставить локауты, закрытие фабрик, поголовные увольнения, о размерах которых можно судить, например, по тому, что в 1905 г. в одних только столицах было уволено и переведено в состояние безработных и ненужных более 170 тыс. человек. Особенно увеличилась безработица в 1906 г. после московского восстания, когда во всех больших городах безработных насчитывалось десятками тысяч:

- в Одессе – 12 тыс. 375 чел;
- в Лодзи – 18 тыс. чел.;
- в Туле – 10 тыс. чел.;
- в Полтаве – 1 тыс. чел.;
- в Ростове на Дону – 5 тыс. чел.;
- в Москве на одном Хитровом рынке – 10 тыс. чел.;
- в Петербурге – 55 тыс. чел.

В 1907-1911 гг. число их было не меньше, а даже больше во многих местах. В настоящее время, при наплыве обезземеленных и голодающих крестьян в города, число безработных неизмеримо больше. Наиболее яркое свое выражение безработица находит, несомненно, в статистике самоубийств среди рабочего населения. Так, например, в одном только Петербурге в 1904 г. Городская Управа констатировала 115 случаев самоубийств от безработицы, в 1905 г. – 94, в 1906 г. – 190, в 1907 г. – 310.

С 1907 г. по 1911 г. эта цифра, с небольшими колебаниями, все шла и идет в гору, как бы доказывая, что настоящему пролетарию, отбившемуся от земли, нет другого выхода при современном укладе жизни, кроме могилы...

Источник - Н.А. Рубакин «Россия в цифрах» (С-Петербург, издание 1912 года)

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ в Российской империи конца 19 – начала 20-го века.

Сегодня я решил начать публикацию серии отрывков из книг и статей экономического характера о положении Царской России на рубеже 19 – начале 20-го века. А чтобы меня не обвиняли в необъективном подходе, и в использовании исключительно большевистских источников, основной упор я буду делать на материалы царских же авторов. Дескать пускай они сами скажут о том, насколько богатой и счастливой была «Россия, которую они потеряли».

Кстати, мой недавний пост о детской смертности и смертности среди жителей Российской империи не вызвал у моих оппонентов бурной негодующей реакции по поводу моего якобы вранья. Правильно, крыть-то нечем! Данные взяты не из Советской большой энциклопедии, а у тех же царских авторов - Новосельский – «Смертность и продолжительность жизни в России» издание 1916 года. Но к этому автору я еще вернусь позже (надо же еще приготовить сюрпризы моим «почитателям»).

А пока, уважаемые коллеги, неоднократно упомянутый мною ранее Нечволодов «От разорения к достатку».

«Привлечение иностранных капиталов в Государство сводится: к эксплуатации этими капиталами отечественных богатств и рабочих рук страны, а затем и вывоза за границу золота, приобретенного в стране за продажу продуктов производства. При этом, общее благосостояние местности, где возникают крупные капиталистические производства, обязательно понижается, по законам, выведенным Генри Джоржем в его «Прогрессе и бедности».

Таким образом, **результаты введения иностранного капитала в Государство следующие: понижение общего благосостояния в прилежащей местности и высасывание золота из страны.** Иностранных капиталов, вложенных в предприятия в России, к 1—му января 1902 г. было 1.043.977.000 рублей.

« Иностранные капиталы, (вместе с займами) говорит г. Табурно, участвуют в нашей задолженности в сумме около 5.800 млн. рублей; за 20 летний период Россия уплатила процентов и срочного погашения на иностранные капиталы, вложенные в государственные и частнопромышленные бумаги, около 4.372 млн. рублей. Если к этой цифре добавить расходы русских за границей, составляющие за 20 лет около 1.370 млн. рублей, то окажется, что Россия за 20 летний период с 1882—1901 г.г. уплатила за границу около 5.740 млн. рублей или около 15 1/2 миллиардов франков. **Т.е. мы уплачиваем иностранцам в каждые 6 1/2 лет дань, равную по величине колоссальной контрибуции, уплаченной Францией своей победительнице Германии.** В последние два года (1900 и 1901) наши платежи иностранцам составили ежегодно около 380 млн. рублей, а в настоящем 1903 году эта сумма будет еще значительнее, так что за последние 5 лет мы уплатим иностранцам около 5 1/2 миллиардов франков. Тогда всех удивляло, откуда Франция могла достать такое значительное количество денег. Где же мы берем необходимые суммы для расплаты по своим же обязательствам? Над этим можно и необходимо призадуматься. **Без войны, без затрат, без человеческих жертв, иностранцы все более и более побеждают нас, каждые 5—6 лет, нанося нам финансовый разгром, равный разгрому Франции в 1870 году**[\[1\]](#).

5. Завоевание для увеличения своего вывоза новых рынков и расширение старых.

Главным предметом нашего вывоза служат продукты сельского хозяйства, из которых первое место принадлежит хлебу, и естественные богатства в сыром или полуобработанном виде: лес, нефть, металлы и проч. Мануфактурный же товар мы вывозим всего в количестве около 20 миллионов рублей в год[\[2\]](#).

Вопрос об увеличении притока золота в нашу страну путем завоевания новых рынков для нашей недавно народившейся мануфактурной промышленности, *явно нелеп*, в виду младенческого ее состояния сравнительно с мощными ее соперницами английской, германской, французской и Соединенных Штатов.

Своеобразная же попытка министерства финансов создать эту промышленность, в прямой и трудно поправимый ущерб нашему сельскому хозяйству и найти ей новый рынок в Китае — привела нас к миллиардным затратам, каковая сумма целостью была занята в долг золотом; при этом, постройка города Дальнего, вместе с сооружением Восточно—Китайской железной дороги и открытием портофранко в Маньчурии, *привели именно к полной гибели* нашей незначительной торговли, существовавшей по границе с Северо—Восточным Китаем, так как открыли удобный доступ в него с моря иностранным товарам[\[3\]](#).

В завоевании же новых рынков или расширении старых для произведений нашего сельского хозяйства и сырых и полуобработанных естественных продуктов — мы также встретимся с нашими могущественными соперниками, странами Нового Света (С. Штатами, Аргентиной, Австралией и Канадой), уже сильно теснящими нас со всех сторон, благодаря значительному превосходству свой культуры и давно уже *отнявшими* у нас роль *женщины Старого Света*, которую мы играли до семидесятых годов прошлого столетия. **В настоящее время нам приходится думать не о расширении старых или**

завоевании новых рынков, а о сохранении тех, кои мы имели до сих пор. В этом же отношении обстоятельства складываются в высшей степени неблагоприятно: новый договор с Германией, который вступает в силу 17 Мая 1906 года, накинул на все главные предметы нашего вызова значительные пошлины против договора 1894 года, — а именно: на путь ржи лишних 10 копеек, на путь пшеницы 13 коп., и на путь овса лишних 18 коп.

Это, конечно, еще больше затруднит нашу конкуренцию с Новым Светом и каждая **победа на внешнем рынке будет нам даваться путем все большего и большего разорения у себя дома.**

К этому следует прибавить естественные причины несомненного *уменьшения* нашего вывоза в ближайшем будущем, вследствие полного расстройтва нашего сельского хозяйства, вызванного недородами в 26 губерниях 1905 года и смутами последнего времени, тем более, что и *до этого*, наша финансовая политика последнего десятилетия, с целью ежегодного заключения торгового баланса в нашу пользу, т.е. с целью удержания золота в стране, сделала решительно все, чтобы усилить наш вызов, причем **мы вывозим значительно больше чем можем, т.е. не продаем, а распродаемся.**

«Мы вывозим все: хлеб, мясо, яйца, а вместе с тем вывозим частицы нашей почвы, вывозим даже свои собственные волосы», как говорил Вышеградский, — **«сами недоедим, а вывезем»**^[4].

Результатом этого, помимо самых тяжелых условий жизни, является прямое недоедание нашего населения (17 — 20 пудов хлеба в год, вместо нормы в 25, при крайне недостаточном употреблении мяса^[5] и вследствие этого, его все возрастающая слабосильность и болезненность, не говоря уже о *странном недовольстве* населения своими условиями жизни».

А теперь прервемся ненадолго и подытожим сказанное Нечволодовым.

Итак:

- а) Иностранцы вкладывают в Россию свои капиталы, получают прибыль и «высасывают» золото из страны.
- б) Российской империи, чтобы как-то компенсировать потери золота в стране нужно продавать как можно больше собственных товаров. Именно этим и обусловлен вывоз практически всего, о чем говорил министр финансов Вышеградский – хлеб, мясо, яйца и т.д. Таким образом закладывается политика «голодного экспорта». В случае серьезных проблем с новым урожаем зерновых, старых запасов нет, а из-за вывоза хлеба новых не будет. Губернии обречены на голод.
- в) При таком положении вещей, царское правительство просто вынуждено делать внешние взаимостроения, т.е. брать займы деньги, увеличивая тем самым государственный долг страны. Этим еще больше подрывается ее экономическое положение.

А теперь я хочу чтобы вы знали о том, сколько же задолжала царская Россия в золотом эквиваленте. Обратимся к Нечволодову:

“Перед нами стоит вопрос самой *огромной важности*: явится ли для России еще *какая—нибудь* возможность бороться с этим уже наполовину надвинувшимся над ней господством хозяев международного капитала и какие для этого должны служить меры?”

Перед решением его, разберем прежде всего, что такое деньги, по современным понятиям человечества.

В настоящее время, во всех цивилизованных государствах, кроме Мексики и Китая, деньгами признают только небольшие золотые кружки, имеющие международное обращение, определенного веса.

Для России вес золотого рубля установлен, как указано выше, в 17,424 доли.

Весь всемирный запас золота, служащего деньгами, равен приблизительно 10.000.000.000 долларам. Или 20.000.000.000 руб.[\[6\]](#) .

Средняя мировая ежегодная добыча золота из недр земли, обращаемого в деньги, равняется 147.000.000 долларам, или 1,63 % всего запаса золота[\[7\]](#).

Упомянутые выше 20 миллиардов рублей — представили бы из себя все количество денег, находящихся в обращении в государствах, где введена золотая валюта, т.е. Количество денег определяется известным запасом золота, если бы принцип золотой валюты был бы проведен в них с идеальной частотой, другими словами, если бы каждый выпуск кредитных билетов, обеспечивался бы равным количеством запаса золота.

Но так как во всех государствах, подобно как у нас, согласно Указу 29 августа 1897 года, выпуск кредитных билетов разрешается с известным допуском % против золотого запаса, в действительности в них денежных знаков *несколько больше*, чем на 20 миллиардов рублей.

Запас этих знаков совершенно не соответствует современным потребностям человечества.

Поэтому, для того, чтобы иметь возможность для нужд своих подданных располагать нужным количеством означенных денежных знаков, в *золотой салют*, правительства вынуждены прибегать время от времени к займам золота, причем сумма государственных долгов в 23 государствах, где введена золотая валюта, согласно данным: The Statesman's Year—Book на 1904 год, к 1—му января 1903 года, составляла 4.546.047.110 фунтов стерлинг., или же 45 миллиардов рублей золотом.

Сумма эта более *чем вдвое превышает наличность всего золота на земле*; большая же часть обязательств по этому долгу — находится в портфелях упомянутых выше банкиров, — международных торговцев деньгами.

Что же касается в частности России, то только по одним государственным и гарантированным правительственным долгам, мы должны золотом более половины всех золотых денег, находящихся на земном шаре».

Вот такое оно «золотое» благополучие Российской империи!

p.s. В последующих публикациях будет больше любопытных цифр и фактов. Ждите. Материал уже готов, просто выкладывать все и сразу я не хочу.

[1] Стр. 65.

[2] The Statesman's Year-Book. 1904. p. 1069.

[3] Меркулов. Возможные судьбы русской торговли на Дальнем Востоке. Uhlar «Russia, Mandchuria and Mongolia». Contemporary Review, August, 1903.

[4] Озеров. Экономическая Россия и ее финансовая политика, стр. 165.

[5] В России 51 фунт мяса в год на человека, в Англии 118 фунтов, в Соединенных Штатах 150 фунтов, в Австралии 276 фунтов.

[6] В 1894 г. По данным отчетов Департамента Монетного Двора С.—Штатов запас золота равнялся 8.581.431.000 долларов; прибавив ежегодное увеличение в 147.000.000 долларов, получим приблизительно к 1906 голу — 10.000.000.000 долларов.

[7] По тем же данным см. Бутми «Золотая валюта».

«НЕДОЕДИМ, А ВЫВЕЗЕМ».

Этот материал является продолжением публикации серии отрывков из книг и статей экономического характера о положении Царской России на рубеже 19 – начале 20-го века. Это все тот же Нечволодов «От разорения к достатку», издания 1916 года.

Те, кто прочитал предыдущий материал, думаю поняли на чем основывалось экономическое развитие царской России. Экспорт в ущерб собственному народу, массированное привлечение иностранных капиталистов, «высасывающих» золото из империи, внешние взаимствования. Материал, конечно, далеко не полный и не всесторонний, но я обещаю следующими публикациями его дополнить.

Один мой оппонент, на материал о фразе Вышеградского «НЕДОЕДИМ, А ВЫВЕЗЕМ», где я сказал о том, что фраза эта подтверждается реальными цифрами роста экспорта, потребовал от меня доказательств. Я выдал ему цифры по экспорту хлеба. Но, естественно, не хлеб же один вывозился из России! И какова при этом общая сумма экспорта?

Ладно, читайте Нечволодова (есть еще в его работе данные Департамента таможенных сборов, там цифры вывоза несколько выше, хотя и не значительно).

“Для удержания золота в стране, вывоз стал производиться самым усиленным темпом.

Средний вывоз за пятилетие 1892—1896 г.г. составлял 571.000.000 руб. в год^[1]

Тот же средний вывоз за пятилетие 1897—1901 г.г. уже 648.000.000 руб. в год

Вывоз за один 1902 год уже 783.000.000 руб. в год

В 1903 же году он достиг 902.000.000 руб. в год

Достигнуто это было путем полного *разорения* значительной части нашего сельского населения.

Строгие меры ко взысканию налогов с крестьян осенью, когда только что собран хлеб, служили этому могущественным орудием.

«В России», - говорит князь Петр Кропоткин, -«крестьянин работает по шестнадцати часов в день и поститься от трех до шести месяцев ежегодно, чтобы вывести хлеб,

которым он расплачивается с помещиком и государством. В настоящее время полиция показывается в русских деревнях, как только урожай собран, и продает последнюю корову и последнюю лошадь хлебопашца за недоимки налоговые и арендные, если крестьянин не платит их по доброй воле, сбывая хлеб экспортеру, так что он оставляет для себя хлеба только на девять месяцев, а остальное продает, чтобы корову его не продали за пять рублей. Чтобы жить до следующего урожая, три месяца когда год хорош, и шесть, когда год дурен, он прибавляет к муке березовой коры или семян лебеды, тогда как в Лондоне смакууют сухари, испеченные из его муки[2]».

Ну как, красноречиво? И, по-моему, весьма полезно для любителей петь дифирамбы о благополучии крестьян в царской империи и ставить под сомнение, говорил или нет Вышеградский фразу «Недоедим, а вывезем». Факты, как видите это подтверждают!

Теперь я хочу привести небольшую цитату о «эффективности» внешних взаимствований, которые проводило царское правительство.

«... по количеству задолженности, мы уже первая держава в мире, при этом, мы единственная из держав, у которой большая половина этой задолженности внешняя; последний заем в 842.750.000 рублей совершен на столь невыгодных условиях, что мы сразу потеряли при его реализации свыше 120 миллионов рублей; при этом мы обязались в течение двух лет не совершать новых займов, не смотря на то, что одна половина из этого займа пойдет на покрытие наших иностранных краткосрочных обязательств, заключенных вследствие войны, а другая на покрытие дефицита в бюджете на 1906 год, почему на поднятие народного благосостояния из займа этого — не останется ни одной копейки, хотя уплата роста и погашения по нем и легла на Россию новым бременем в 49.200.000 рублей в год. Т.е. суммой на 8 миллионов рублей больше, чем смета Министерства Народного Просвещения на 1906 год, причем около треть четвертей этого долга мы должны за границу; поэтому платеж % и погашения по нем — является новым могущественным насосом для вытягивания золота из страны и сильного ухудшения нашего расчетного баланса.»

Небольшое лирическое отступление. Вам это ничего не напоминает? А мне напоминает нынешнюю ситуацию с внешними взаимствованиями в Украине. Вот так, и сейчас за границей берутся деньги и тратятся на покрытие дефицита бюджета и на выплату по ранее взятым обязательствам. При этом народу шиш с маком, а государству новые долги. А по СМИ нынешний премьер-министр Украины Тимошенко радуется и рапортует о получении новых кредитов, как о безусловном достижении ее правительства! Ой-ли! Цыплят по осени считают. Пример такой политики в царской империи и его последствия это хороший урок. Посмотрим, чем это обернется для нас в самом ближайшем будущем.

Однако продолжим. У Нечволодова далее по книге идет «крестьянский вопрос» о передаче земли крестьянам. Напоминаю, что рассматривалась ситуация еще до Столыпинской аграрной реформы».

Кстати, а вы не задавались вопросом о том, сколькими десятинами земли владел среднестатистический крестьянин империи до проведения этой самой «реформы»? Так вот, цифры здесь таковы (цитирую Нечволодова): «... по данным, «Комиссии об оскудении центра»[3] 2,60 десятин надельной земли и 0,30 десятин внеадельной». Много это или мало?

Ответ таков: «... значительно меньше того количества, которым были наделены, в среднем крестьяне, при проведении реформы 1861 года. Т.е. 4,80 десятинами[4] на

ревизную

душу.

Этот же первоначальный надел в 4,80 десятины, как известно, признается однако недостаточным, и недостаточность его является, по общему мнению, главнейшей из причин современного аграрного кризиса; поэтому, очевидно само собой, что дополнительный средний надел (*исходя из предложенной земельной реформы – мой коммент*) до 4,12 десятин, *нисколько* не решит аграрного вопроса по существу, а может быть смягчить только на самое короткое время его остроту, с тем, чтобы в ближайшем будущем, *обострить* его простым фактом прироста населения, и при том, уже до *полной безнадежности*, так как земли для нового дополнительного надела уже не будет.”

Т.е., что получается? А получается, что крестьянин после отмены крепостного права владел большим наделом, чем дореформенный крестьянин царской империи! Да, и не нужно считать, что Столыпинская реформа облагодетельствовала основную часть крестьянства землицей. Тех, кого переселяли в «столыпинских вагонах» в Сибирь и кто не смог начать хозяйствовать в новых условиях, возвращались. Как писала сибирский чиновник Комаров о «возвращенцах»: «...Возвращается элемент такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль... Возвращается не тот, кто всю жизнь был батраком... возвращается недавний хозяин... человек справедливо обьятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить...» (А. Комаров Правда о переселенческом деле. Санкт-Петербург, 1913. С. 74.). Те же, кто остался на новом месте и смог как-то начать хозяйствовать то же далеко не все встали на ноги. Позже, когда в бывшей Российской империи разразилась Гражданская война, красные получили среди этих Столыпинских переселенцев хорошую поддержку. Барон Будберг в своем дневнике писал: «...главными заправилами всех восстаний являются новоселы, преимущественно Столыпинские аграрники, плохо устроившиеся в Сибири и мечтающие о том, как бы пограбить богатое старожильческое население Сибири».

И напоследок, чтобы завершить краткий экскурс по Нечволодову, хочу привести еще один интересный фрагмент из его работы:

«Чего требовать», - говорил на собрании партии демократических реформ, за несколько дней до открытия Государственной Думы, член ее от Харьковской губернии Назаренко, - «спросил я тех, которые выбрали меня? Иди, говорят мне. В Думу, иди к Царю и скажи, что не жить нам без земли, да скажи так, чтобы слышали сидящие близ Царя, которые правят нами. А еще что? Спрашиваю? А еще: пусть научат нас, как пользоваться землей, иначе ненадолго хватит нам нового надела, потому что или Бог нас не слушает, или просить мы не умеем, но только земля наша отказывается кормить нас. Ходили мы и к агроному спрашивать, что делать с землей; он говорит: не истощайте землю. А как же быть, когда ее мало? Удобряйте, обрабатывайте ее плугами. Да у нас скота мало, кормить нечем. Что же, — говорит агроном, у меня нет средств дать вам на плуги, на скот. А где же деньги наши, крестьянские? Школы вам строили, что касается прочего — спросите казначейство»[5].

Таким образом, и на основании теоретических соображений, и на основании выводов практического разума самих крестьян, одно общее дополнительное наделение их землей не послужит их разрешению аграрного вопроса.

Для разрешения этого вопроса совершенно необходимо: — поднятие сельскохозяйственной культуры.

Простая справка о количестве среднего урожая в различных странах ржи и овса, т.е. главных хлебов, выделяваемых русским крестьянством, показывается нам, насколько ниже русская сельскохозяйственная культура всех остальных цивилизованных наций и что нам предстоит в этом отношении еще сделать:

Страны[6]	Средний сбор с акра			
	Рожь		Овес	
		%		%
Россия	8,9	100	10,7	100
Соединенные Штаты	15,5	174	30,7	287
Великобритания	—	—	40,3	377
Франция	16,1	181	26,1	244
Германия	14,7	165	30,1	287
Австрия	14,5	163	17,6	154
Венгрия	13,8	155	17,4	163

Источник, приведенных данных - И. Гурвич. Экономическое положение русской деревни, стр. 34.

[1] По данным «The statesman's Year Book» на 1904 год. По данным Деп. Там. Сборов цифры вывоза еще значительнее.

[2] Кн. П. Крапоткин. «Завоевание Хлеба» стр. 66.

[3] А. А. Мануйлов. Поземельный вопрос в России. Стр. 21.

[4] Там же.

ЗДРАВООХРАНИЕ

Сегодня, как я и обещал вчера, на повестке дня вопрос о состоянии здравоохранения в Российской империи. Источник информации тот же – «РОССИЯ 1913 ГОД. СТАТИСТИКО - ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СПРАВОЧНИК»

Моих коментов будет много, уж извините, материал к тому обязывает. Так что читайте и наслаждайтесь.

Из «Объяснительной записки к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 г.» (СПб., 1912. С. 194-200)

«Врачебно-санитарное дело в Империи в главной своей части сосредоточено в ведении Министерства внутренних дел. На этом Министерстве лежит общий врачебно-санитарный надзор внутри страны и на границах ее и заботы о предупреждении и пресечении эпидемических заболеваний. Ему принадлежит также высшее наблюдение за деятельностью городских и земских управлений, коим вверено попечение о врачебной помощи населению и санитарном благоустройстве на местах, и непосредственное заведование врачебно-санитарным делом в местностях, где не введено в действие земское и городское положение, а равно некоторыми лечебными и учеными учреждениями.

Организация врачебно-санитарного надзора и мероприятия по охранению народного здоровья осуществляются Министерством внутренних дел за счет сумм, отпускаемых в его

распоряжение из государственного казначейства, а также за счет земских средств и капиталов общественного призрения в местностях, состоящих в непосредственном ведении его во врачебно-санитарном отношении.

Ослабевшая было в 1909 г. **эпидемия холеры** чрезвычайно усилилась в течении 1910 г., **охватив 78 губерний и областей**. В то же время неожиданно появившаяся **чума**, первоначально в Одессе, а в конце года в Маньчжурии, получила эпидемическое развитие и, достигнув значительной силы в черте китайских владений, распространилась также в полосе отчуждения восточно-китайской железной дороги и в Забайкальской области. **Затраты, понесенные казной на борьбу с эпидемиями холеры и чумы, составили в 1910 г. 1482 тыс. руб.**

К концу 1910 г. чумные заболевания в Одессе прекратились, а в начале 1911 г. затихла эпидемия холеры и чумы на Дальнем Востоке; хотя, засим, в последующем времени холера и возобновилась, но широкого развития она не получила, чумные же заболевания ограничились отдельными случаями в Одессе и некотором развитии эпидемии в киргизских степях Астраханской губернии.

Труды, вложенные в дело охранения народного здоровья, не остаются без положительных результатов. По имеющимся статистическим данным, **смертность от заразных болезней, не считая холеры и чумы, достигавшая в пятилетие 1901-1905 гг. в среднем 579 случаев в год на 100 тыс. населения, понизилась в 1906-1910 гг. до 529.** Несмотря, однако, на наблюдаемое таким образом некоторое улучшение общего состояния народного здоровья, **Россия в этом отношении все еще остается позади большинства государств Западной Европы. Так, например, в Англии, Германии, Франции, Швеции и Норвегии число смертных исходов от заразных болезней в 1909-1910 гг. не превышало 100 случаев на 100 тыс. населения в год.**

Для бесплатного пользования сельских обывателей в губерниях и областях образованы врачебные участки, состоящие в ведении сельских врачей; в каждом участке находится лечебное заведение — больница или приемный покой. Число врачебных участков за пятилетие 1906-1910 гг. увеличилось с 3268 до 3804, **но лишь в немногих губерниях Европейской России упомянутые участки по размерам своим и количеству приходящегося на них населения удовлетворяли нормам, при которых медицинская помощь населению могла бы быть вполне обеспеченной.** Наилучше организована врачебная помощь земскими учреждениями: по 18 губерниям радиус участков составлял в среднем менее 15 верст, а по 10 — менее 20 верст; при этом по 19 губерниям количество населения в участках не превышает 30 тыс. чел. Слабее поставлено дело в местностях, где не введено земское самоуправление: в большинстве таких губерний размер участков определялся радиусом в 25 и более верст, в некоторых же достигал 100 верст и даже превышал это число.

Еще менее успешной, чем организация врачебной части, представляется деятельность по улучшению санитарного благоустройства населенных мест. Статистические данные показывают особенную восприимчивость к заразным заболеваниям населения городов. **Распространение заразных болезней, в особенности широкое развитие в последние годы тифа и холеры, свидетельствует о дурных санитарных условиях городской жизни, зависящих, главным образом, от неудовлетворительного состояния водоснабжения и удаления нечистот, а также от негигиеничности жилищ малосостоятельного населения.**

Согласно собранным в отчетном году данным о положении водоснабжения и удаления нечистот в городах и негородских пунктах, в коих число жителей превышает 10 тыс. чел., водопроводы общественного пользования имеются лишь в 190 из 1078 населенных пунктов; только при 58 из них устроены фильтры или иные приспособления для очищения воды. Между тем, например, в Германии в городах с населением свыше 20 тыс. жителей устроены водопроводы в 98 поселениях из 100, из городов с населением от 5 до 20 тыс. имеются водопроводы в 74 пунктах из 100. Сплавная канализация у нас существует лишь в 13 городах и устраивается в 3-х. В большинстве остальных поселений удаление нечистот поставлено весьма неудовлетворительно. При этом существующие устройства в некоторых городах находятся в антисанитарном состоянии. В результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907-1910 гг. оказалось, что одною из причин широкого распространения эпидемий тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами».

(От себя - Интересная деталь, если такое положение с водопроводом было в Киеве и С.-Петербурге, то можно себе представить, каким оно было в других городах, где водопровод был и где его никогда не было).

А теперь, начинается самое интересное – страсти-мордасти – ТАБЛИЦЫ С ДАННЫМИ!

Поехали...!!! Знаете какие самые «популярные» были болезни, скажем, в 1912 году? Нет? Не знаете? Так я вас просвещу! (кстати, кто из вас доктор и владеет современной статистикой, может сравнить с нынешней ситуацией по болезням).

Таблица 2. Заразные болезни в России в 1912 г. (чел.)

Источник: Статистический сборник России. 1914 г. Отд. III. С. 7-14.

На 1-м месте Чесотка (!) – 4.735.490 чел., или 23,22% от числа всех болеющих. Что делать, антисанитария, проклятая! На всех воды не хватает (в пустыне же все жили, наверное!). А если вы думаете, что такой процент дали в основном Среднеазиатские владения Российской империи, то вы сильно ошибаетесь. **Основной процент «чесоточников» это Европейская Россия – 4.269.485 чел.** Не слабо! Сибирь дала значительно скромнее «результат» – 173.089 чел., а вот Средняя Азия подкачала – 84.998 чел. (данные по Польше я не привожу).

На 2-месте Малярия (!) – 3.537.060 чел., или 17,37% от числа всех болеющих. **Основной процент «малярийщиков» это Европейская Россия – 2.168.606 чел.** Тоже не плохо! Горячий Кавказ здесь дал рекорд – 1.028.263 чел., Средняя Азия – 222.513 чел., Сибирь – 107.108 чел.

На 3-месте скромный и «обаятельный» Грипп – 3.440.282 чел., или 16,87% от числа всех болеющих. Можно сказать, что с малярией они близкие соседи по числу болеющих. И опять по основному проценту лидирует **Европейская Россия – 3.073.041 чел.**, Сибирь – 183.307 чел., Кавказ - 91.252 чел., Средняя Азия – 55.612 чел.

На 4-месте Дифтерит – в численных данных общего числа болеющих содержится ошибка, поэтому не привожу никаких других данных, кроме процента от общего числа болеющих заразными болезнями приличный – 7,02%.

Теперь интереснее!

На 5-месте ... кто-бы вы думали? Сифилис (!) – 1.241.822 чел., или 6,09% от числа всех болеющих. «Сифилитиков» больше всего в **Европейской России – 1.069.100 чел.**, Сибирь – 62.887 чел., Кавказ – 47.186 чел., Средняя Азия - 41.780 чел.

Из оставшихся болезней картина такая:

Оспа - 81.588 чел., (0,40%)
 Скарлатина - 350.256 чел., (1,72%)
 Корь – 419.807 чел., (2,06%)
 Коклюш – 530.185 чел., (2,60%)
 Тиф разный – 569.340 чел., (2,79%)
 Дизентерия – 436.120 чел., (2,14%)
 Холера – 5.109 чел., (0,03%)
 Эпид. гастроэнтерит - 353.444 чел., (1,73%)
 Заушница – 252.136 чел., (1,24%)
 Рожь – 196.060 чел., (0,96%)
 Ревматизм остр. – 752.712 чел., (3,69%)
 Цинга - 103.804 чел., (0,51%)
 Бугорчатка легких - 835.450 чел., (4,10%)
 Шанкр мягкий – 150.508 чел., (0,74%)
 Перелой – 491.403 чел., (2,41%)
 Трахома – 969.213 чел., (4,75%)
 Пневмония крупозная – 490.986 чел., (2,41%)
 Септицемия и пиемия – 22.974 чел., (0,11%)

Итого 20.397.603 чел.

Теперь вы меня спросите, к примеру, а 20 с лишним миллионов **болеющих только заразными болезнями (!)** для Российской империи это много или мало? По статистике, не много – 11,6% по всей империи. Примечательно здесь то, что самый болеющий регион это **Кавказ – 14,58%** от всех болеющих по региону, далее идут: **Европейская Россия – 13,59%**, **Сибирь – 9,94%**, **Средняя Азия – 5,54%**.

В этой таблице нет данных по не Европейской России, а также по Украине и Финляндии, которые также входили в состав Российской империи, так что приведенные данные являются не полными и не отражают всей картины заболеваемости заразными болезнями. Кроме того, картина заболеваемости по различным видам болезней периодически менялась в зависимости от вспышек эпидемий, которые, как показано в «Объяснительной записке к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 г.» периодически вспыхивали в различных регионах империи.

Теперь я хочу остановиться на уровне тогдашней медицины.

Таблица 1. Организация врачебной помощи в России в 1912 г. (абсолютные данные)
Источник: Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1914. Отд. III. С. 1-6.

Число больниц – **8.110**

Число коек – **219.978**

Как вы думаете такое число больниц и больничных коек достаточно для населения Российской империи? А пока вы думаете, я приведу данные, которые вам помогут ответить на этот вопрос.

Содержалось больных (напоминаю, речь идет о 1912 году) – **3.311.687 чел.**
Умерло в больницах – **162.446 чел.**

Сразу бросается в глаза 219.978 мест в больницах и 3.311.687 больных, которые содержались в этих больницах в течении года. Это получается, что **на одно койко-место в год приходилось 15 человек!** И это при **заразных болезнях, которые не лечатся за день-два!** А если вспомнить, что **кроме заразных болезней есть и другие болезни, которые тоже нужно лечить в больницах в условиях стационара, то наступает вообще мрачная картина клинического характера!**

Такая еще деталь для сравнения. Число коев в домах умалишенных – 41.404, а число больных, которые там находились – 92.989 чел. Ситуация, конечно, лучше чем у «заразных» больных, но тоже не блеск.

И в заключении, самое интересное! ЧИТАТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО!

Продолжение **Таблицы 1. Организация врачебной помощи в России в 1912 г. (относительные данные)**

Источник: тот же.

На 1 больницу в Российской империи приходилась площадь в **2.327 кв. верст (!)**

На 10.000 населения империи приходилось **12,6 коек (!)**

На 10.000 населения империи было госпитализировано в 1912 году - **189 чел.**

Процент умерших в больницах – **4,8%** (ну хоть это единственный светлый момент во всей здравоохранительной статистике)

А ТЕПЕРЬ САМАЯ ЖЕСТЬ!

На 10.000 населения приходилось 1,3 врача (!)

На 10.000 населения приходилось 1,7 фельшеров (!)

На 10.000 населения приходилось 1,7 повивальных бабок женского пола (!)

p.s. Во всей этой статистике последние данные наиболее ужасают, а уж как государственные счетоводы посчитали количество повивальных бабок, извините, я не знаю.

И еще. Конечно, всю тему по состоянию здравоохранения в Российской империи я не раскрыл. Да я и не ставил это своей целью. Я лишь дал вам небольшой фрагмент, по которому выводы вы можете делать сами.

ГРАМОТНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Тема эта огромна по своему объему, и с массой статистических материалов. Всесторонне, я ее осветить в пределах даже нескольких постов не смогу, да я и не ставлю перед собой такую задачу. Я хочу лишь осветить вопрос грамотности (но не образованности! – это же разные вещи) основной части граждан Российской империи – жителей села.

Сельское население составляло преобладающую массу населения России (по данным 1897 года – 86,6%). Поэтому уровень грамотности сельского населения является определяющим для общей грамотности всего населения страны.

Начинать будем с **1867** года. Для примера берем Костромскую губернию. Источник данных – «Материалы для статистики Костромской губернии», под редакцией В. Пирогова, 1870 год, вып. II, 1875.

Численность населения - 1033,8 тыс. чел., в том числе грамотных – 89,0 тыс. чел. **Процент грамотных - 8,6 (!)**. При этом процент грамотных мужчин – 16,1, а процент грамотных женщин всего 2,0 (!) (повод для того, чтобы написать на тему о равноправии женщин и мужчин в Российской империи?).

Следует отметить, что по отдельным уездам процент грамотных среди сельского населения был различен. Так, среди мужского населения Чухломского уезда грамотные составили **33,9%**, Костромского - **23,1%** и Солигаличского – **23,1%**. В то же время в Макарьевском уезде было всего **9,9%** грамотных, в Варнавинском – **9,2%** и Ветлужском – **4,8%**. Еще более значительны различия в показателях грамотности были в отдельных волостях. В частности, в 1867 г. **не было грамотных женщин** в населении 15 волостей уездов Нерехтского, Юрьевоцкого, Макарьевского и Ветлужского.

А теперь я привожу данные по Московской губернии за **1869** год.

Численность населения – 1183,3 тыс. чел., в том числе грамотных – 88,6 тыс. чел. **Процент грамотных – 7,5 (!)**. **Ниже чем в Костромской губернии за 1867 год!** При этом процент грамотных мужчин – 13,6, а процент грамотных женщин всего 1,8 (!) (сельским женщинам, таки капитально не везло с образованием в Российской империи!).

Различия в показателях грамотности по отдельным уездам были весьма значительны: 11,5% - в Коломенском, 10,3% - в Богородском, по 4,1% - в Верейском и Рузском уездах. Среди женского населения процент грамотных в некоторых уездах Московской губернии составлял: в Можайском – 0,5%, Рузском – 0,4%, т.е. на 200-250 женщин приходилась лишь одна грамотная!

И это не на задворках империи, где-нибудь на Дальнем Востоке или Урале, это центре Европейской России!

А какова же была ситуация по вопросу образования крестьянства, скажем в Харьковской губернии в тот же период?

Источник – Г. Данилевский «Об образовании низших классов России, Сельские училища и народное образование в Харьковской губернии, Отечественные записки» № 4, 1864, стр. 533-535.

К 1 января 1864 года в Харьковской губернии на 1.300 тыс. крестьян было 285 народных школ, всего училось в этих школах 2790 человек обеих полов. Следовательно, в губернии приходится 1 учащийся на 133 человека крестьянского сословия!

Г.Данилевский пишет: “Оказывается, что где я ни был, на расспросы мои в волостных правлениях палатских и бывших помещичьих крестьян, а также в штабах и канцеляриях поселений, мне отвечали, что действительно средним числом на сто душ крестьян

каждого посещенного мною селения или волости грамотных, взрослых и малолеток, приходится в настоящее время не более 2-х и редко 3 человека. Есть в действительности села и волости, особенно помещичьи и бывшие военные, где на 300 душ и более жителей нет ни одного грамотного”.

Ну и чтобы закончить с этим периодом времени, почитаем еще один источник: М. Суперанский «Начальная народная школа в Симбирской губернии», 1906 год, стр. 72.

«В общем, грамотных среди крестьян было очень мало. Иногда в целом селении не оказывалось ни одного грамотного. Даже у удельных крестьян должности старшин и старост часто заполняли люди неграмотные. Школа не привила любовь к книгам, которые при этом было трудно достать крестьянам, и потому и лица, прошедшие школу, скоро забывали с трудом и в слабой степени усвоенную грамотность».

ВОТ ТАК-ТО!

А теперь давайте посмотрим как изменилась ситуация с процентом грамотных сельских жителей на момент 1908-1913 годов.

Источник – Сборник «Земские подворные переписи 1880-1913гг.»

Самое интересное, что речь в этих данных идет не про образованных людей, а про грамотных, полуграмотных и учащихся. Такой вот «сборник». (интересно было бы, задать автору этих данных вопрос о том, чем грамотный, по его мнению, отличается от полуграмотного, может разница та же, как между умным и полоумным?)

Хотя ладно, считаем, как есть.

На 1-м месте. Самый высокий процент грамотных, полуграмотных и учащихся селян в Московской губернии – 41,7%. По сравнению с данными 1869 года (7,5%) это конечно прогресс! Вот только одно «НО». Исследования проводились только в 4 уездах и то частично! (о чем сказано в таблице). Есть правда и один существенный плюс: у мужчин процент – 58,6, у женщин – 25,9 (!) (для непомнящих напоминаю, в 1869 году процент грамотных женщин по Московской губернии был всего 1,8)

На 2-м месте. С заметным отставанием сюда дошла Тверская губерния – 34,1% грамотных, полуграмотных и т.д.

На 3-м месте. Олонецкая губерния – 30,4%.

Остальные «достижения» таковы.

Тульская губерния – 28,5%
 Харьковская губерния – 25,1%
 Полтавская губерния – 23,7%
 Вологодская губерния – 22,0%
 Новгородская губерния – 21,6%
 Калужская губерния – 20,3%
 Самарская губерния – 19,5%
 Симбирская губерния – 15,6%
 Пензенская губерния – 14,8%.

Два слова про аутсайдера – Пензенскую губернию. Период обследования 1910-1912 годы. Грамотных, полуграмотных и учащихся 25,9% мужчин, женщин – 3,8%.

В среднем по указанным губерниям за период 1908-1913 гг. грамотных было 24-25% общей численности сельского населения. Причем среди мужчин этих губерний грамотными было 38%, а среди женщин – в 4 раза меньше – 9% (!). Таким образом, 9/10 женщин в сельских местностях России в 1908-1913 гг. были неграмотны. Особенно резко выделялась в этом отношении Вологодская, Симбирская и Пензенская губернии, где процент грамотных среди женщин в 1910-1912 гг. был примерно в 7 раз меньше, чем среди мужчин (!).

Вывод такой.

Хотя за 45 лет (с середины 60-х годов XIX в. По 1908-1913 гг.) грамотность сельского населения повысилась с 5-6 до 24-25%, все же $\frac{3}{4}$ населения деревни оставалось неграмотным.

В общем-то, после такого вывода тему моего поста можно считать исчерпанной, однако я хочу дать своим читателям небольшой бонус – «Грамотность населения России в 1897 году»

Все население России, процент грамотных – 21,1, в том числе:

Европейская Россия – 22,9%

Кавказ – 12,4%

Сибирь – 12,3%

Средняя Азия – 3,3%.

Процент грамотных по губерниям (Европейская Россия):

Эстляндская – 77,9

Лифляндская – 77,7

Курляндская – 70,9

Петербургская – 55,5

Ковенская – 41,9

Московская – 40,2

Ярославская – 36,2

Гродненская – 29,2

Виленская – 28,8

Таврическая – 27,9

Владимирская – 27,0

Херсонская – 25,9

Олонецкая – 25,3

Витебская – 24,6

Тверская – 24,5

Костромская – 24,0

Саратовская – 23,8

Архангельская – 23,3

Новгородская – 23,0

Область Войска Донского – 22,4

Самарская – 22,1

Нижегородская – 22,0

Екатеринославская – 21,5
 Тульская – 20,7
 Оренбургская – 20,4
 Рязанская – 20,3
 Калужская – 19,4
 Пермская – 19,2
 Вологодская – 19,1
 Черниговская – 18,4
Киевская – 18,1
 Казанская – 17,9
 Минская – 17,8
 Орловская – 17,6
 Смоленская – 17,3
 Волынская – 17,2
 Могилевская – 16,9
 Полтавская – 16,9
 Харьковская – 16,8
 Уфимская – 16,7
 Тамбовская – 16,6
 Воронежская – 16,3
 Курская – 16,3
 Вятская – 16,0
 Бессарабская – 15,6
 Симбирская – 15,6
 Астраханская – 15,5
 Подольская – 15,5
 Пензенская – 14,7
 Псковская – 14,6

Краткий комент по этим данным.

Процент грамотных в первых трех прибалтийских губерниях (70-78%) почти в 5 раз превышал процент грамотных в четырех последних губерниях (14,6-15,5%). При этом даже Петербургская губерния по проценту грамотных даже близко не стоит рядом с любой из прибалтийских губерний (!).

Ну, и чтобы закончить этот вопрос, приведу еще данные **о распределении учащихся в начальных школах России в 1911 году по продолжительности обучения.**

В городах:

Процент учившихся в начальной школе 1-й год – 42,1%
 Процент учившихся в начальной школе о 1 года до 3 лет – 47,55%
Процент учившихся в начальной школе более 3-х лет – 10,35% (!)

В деревнях:

Процент учившихся в начальной школе 1-й год – 43,4%
 Процент учившихся в начальной школе о 1 года до 3 лет – 47,0%
Процент учившихся в начальной школе более 3-х лет – 9,6% (!)

И еще. Такой факт. В дореволюционной России преобладающая масса детей в возрасте старше 12 лет вовсе не училась в школах! И это по состоянию на 1916 год! Данные эти у меня под рукой, так что можете просто поверить мне на слово.

РОССИЯ «ХОЛЕРНАЯ», «ТИФОЗНАЯ», «ТУБЕРКУЛЕЗНАЯ»

Сегодня, я предлагаю любопытную статистику по состоянию заболеваемости далеко не самых распространенных болезней в Российской империи – холера, тиф, туберкулез. Естественно, ознакомившись с этими данными, вы сами убедитесь в уровне медицины царской России.

Выводы я дам в конце материала. А теперь читайте и наслаждайтесь.

1830 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **34**.

Число заболевших – **68.091 чел.**

Число умерших – **37.595 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших - **55,1%**

1831 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **51**.

Число заболевших – **466.457 чел.**

Число умерших – **197.069 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **42,3%**

1847 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **36**.

Число заболевших – **190.846 чел.**

Число умерших – **77.719 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **40,7%**

1848 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **50**.

Число заболевших – **1.742.439 чел.**

Число умерших – **690.150 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **39,6%**

1853 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **50**.

Число заболевших – **249.788 чел.**

Число умерших – **100.083 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **40,1%**

1854 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **34**.

Число заболевших – **28.052 чел.**

Число умерших – **13.743 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **49,0%**

1855 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **36.**

Число заболевших – **331.026 чел.**

Число умерших – **131.327 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **39,6%**

1866 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **49.**

Число заболевших – **208.853 чел.**

Число умерших – **72.386 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **34,6%**

1870 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **32.**

Число заболевших – **21.664 чел.**

Число умерших – **9.386 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **43,3%**

1871 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **49.**

Число заболевших – **332.711 чел.**

Число умерших – **124.831 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **37,3%**

1872 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **46.**

Число заболевших – **510.607 чел.**

Число умерших – **113.196 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **36,4%**

1892 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **77.**

Число заболевших – **620.051 чел.**

Число умерших – **300.324 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **48,4%**

1893 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **70.**

Число заболевших – **106.600 чел.**

Число умерших – **42.250 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **39,6%**

1894 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **60.**

Число заболевших – **65.140 чел.**

Число умерших – **31.326 чел.**

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **48,1%**

1895 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **12.**

Число заболевших – **30.811 чел.**

Число умерших – **12.066 чел.**
 Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **39,0%**

1908 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **69.**
 Число заболевших – **30.705 чел.**
 Число умерших – **15.542 чел.**
 Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **50,5%**

1909 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **50.**
 Число заболевших – **22.858 чел.**
 Число умерших – **10.677 чел.**
 Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **46,7%**

1910 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – **72.**
 Число заболевших – **230.232 чел.**
 Число умерших – **109.560 чел.**
 Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – **47,6%**

Источник информации – М.С. Оницканский «О распространении холеры в России», СПб, 1911, стр. 1-2.

В.М. Жданов в статье «Болезни, уходящие в прошлое» писал, что в дореволюционной России «с 1817 года за 59 «холерных» лет заболело 5,5 миллиона человек и почти половина из них погибла».

И далее автор отмечал, что «только в условиях советской власти холера была ликвидирована в нашей стране уже в 1923 году, а последние единичные ее случаи в 1926 году».

Какие выводы напрашиваются?

1. Больше всего заболело (1.742.439 чел.) и умерло (690.150 чел.) в 1848 году. Меньше всего заболело (22.858 чел.) и умерло (10.677 чел.) в 1909 году.

Но не спешите радоваться низкой смертности в 1909 году! Процент умерших от холеры к общему числу заболевших: в 1848 году – 39,6%, в 1909 году - 46,7% (!).

Вот вам и уровень медицинского обслуживания населения!

2. Самый высокий процент умерших от холеры к общему числу заболевших случился в 1830 году – 55,1%.

Самый низкий процент умерших от холеры к общему числу заболевших случился в 1866 году – 34,6%.

Ну что, может теперь можно радоваться обожателям царизма такому прогрессу?

Я бы этого не делал. Напомню. После рекордного по низкому уровню процента умерших от холеры к общему числу заболевших в 1866 году были еще и: 1870 год –

43,3% (!), 1894 год – 48,1% (!), 1908 год – 50,5% (!), 1910 год – 47,6% (!) (другие годы, где есть превышение самого низкого процента, даны в таблице, можете убедиться).

3. А теперь давайте оценим ареал распространения холеры.

Больше всего было холерой поражено губерний и областей в 1892 год – 77 (!).

Меньше всего было холерой было поражено губерний и областей в 1895 году – 12. Кстати, крайне редкий результат, поскольку на 2-м месте по этому показателю 1870 год – 32 губернии и области (!).

Какой прогресс за 3 года! ... Но не спешите радоваться! Уже в 1908 году холерой было поражено 69 (!) губерний и областей, а в 1910 году – 72 (!).

Такая вот «картинка маслом».

И еще кое-что любопытное.

Заболеваемость сыпным тифом в Российской империи.

1892 г – 184,1 тыс. заболеваний.
 1893 г – 148,0 тыс. заболеваний.
 1908 г – 163,3 тыс. заболеваний
 1909 г – 180,7 тыс. заболеваний
 1910 г – 138,6 тыс. заболеваний
 1911 г – 120,7 тыс. заболеваний
 1913 г – 118,4 тыс. заболеваний
 1916 г – 133,6 тыс. заболеваний.

Вы мне зададите теперь законный вопрос, а сколько же из этого числа заболевших выздоровело?

Скажу честно, таких данных у меня нет под рукой. Но, отвечая на этот вопрос могу сказать следующее. Следует отметить, что лишь незначительная часть больных сыпным тифом пользовалась больничным лечением. Так, в «Отчете о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи за 1913 год» указано, что **«больничным лечением пользовалось 24.239 больных сыпным тифом или 20% всех зарегистрированных».**

Думаю, что теперь и самым неверующим понятно, какая судьба постигла 80% тех, кто не попал на больничные койки. О судьбе незарегистрированных больных я и говорить не буду. Тут и так все понятно.

Ну и в заключении хочу порадовать вас еще статистикой по заболеваемости в царской империи туберкулезом (легочной бугорчаткой).

Источник – С.А. Новосельский «Смертность и продолжительность жизни в России», Пг., 1916, стр. 187.

1896 г. – 278.573 чел. (на 10.000 чел. это составляет 22,3)
1898 г. – 297.238 чел. (на 10.000 чел. это составляет 23,1)
1900 г. – 341.267 чел. (на 10.000 чел. это составляет 25,6)
1902 г. – 409.546 чел. (на 10.000 чел. это составляет 29,7)
1904 г. – 424.524 чел. (на 10.000 чел. это составляет 29,8)

1906 г. – 483.370 чел. (на 10.000 чел. это составляет 32,9)
 1908 г. – 591.616 чел. (на 10.000 чел. это составляет 38,9)
 1910 г. – 669.415 чел. (на 10.000 чел. это составляет 42,3)
 1913 г. – 876.567 чел. (на 10.000 чел. это составляет 53,9)

Ну что, комментарии нужны?

Смертность от заразных болезней. 1905-1909 годы

Эх, люблю я циферки всякие интересные!

Сегодня же я продолжу исследования старой темы, которую я уже не раз поднимал – «Смертность в царской России». При этом речь пойдет о смертности от заразных болезней в Российской империи и в Западно-Европейских государствах. Годы исследований 1905-1909.

Источник - Новосельский «Смертность и продолжительность жизни в России». Издание 1916 года.

В исследовании оценивается показатель смертности на 100 тыс. чел. по таким болезням: оспа, корь, скарлатина, дифтерия, коклюш, тиф.

Рассматриваются следующие страны: Россия, Венгрия, Австрия, Испания, Бельгия, Румыния, Шотландия, Италия, Германия, Англия, Нидерланды, Швейцария, Швеция, Ирландия, Норвегия.

Итак, поехали...

ОСПА

1-е место по смертности – Россия – 50,8 чел.

2-е место по смертности – Испания – 17,4 чел.

3-е место по смертности – Италия – 1,4 чел.

Меньше всего смертность от оспы у:

Австрии, Румынии, Шотландии, Германии, Англии, Нидерландов – **0,1 чел. (!)**

Ирландии – **0,03 чел. (!!)**

Швеции – **0,01 чел. (!!!)**

Итак, Россия по смертности оспы в 2,92 раза превосходит смертность от этой болезни в Италии, и в 5080 раз смертность от этой болезни Швеции.

КОРЬ

1-е место по смертности – Россия – 106,2 чел.

2-е место по смертности – Испания – 45,0 чел.

3-е место по смертности – Венгрия – 43,5 чел.

Меньше всего смертность от кори у:

Швейцарии – 14,7 чел. (!)

Румынии – 13,0 чел. (!!)

Швеции и Норвегии – 6,0 чел. (!!!)

Итак, Россия по смертности от кори в 2,36 раза превосходит смертность от этой болезни в Испании, и в 17,7 раза смертность от этой болезни в Швеции и Норвегии.

СКАРЛАТИНА

1-е место по смертности – Россия – 134,8 чел.

2-е место по смертности – Венгрия – 52,4 чел

3-е место по смертности – Румыния – 52,3 чел.

Меньше всего смертность от скарлатины у:

Норвегии – 3,9 чел. (!)

Нидерландов – 3,8 чел. (!!)

Ирландии – 2,8 чел. (!!!)

Итак, Россия по смертности от скарлатины в 2,57 раза превосходит смертность от этой болезни в Венгрии, и в 48,14 раз смертность от этой болезни в Ирландии.

ДИФТЕРИЯ

1-е место по смертности – Россия – 64,0 чел.

2-е место по смертности – Венгрия – 39,8 чел.

3-е место по смертности – Австрия – 31,4 чел.

Меньше всего смертность от дифтерии у:

Ирландии – 7,8 чел. (!)

Нидерландов – 6,5 чел. (!!)

Румынии – 5,8 чел. (!!!)

Итак, Россия по смертности от дифтерии в 1,6 раза превосходит смертность от этой болезни в Венгрии, и в 11,0 раз смертность от этой болезни в Румынии.

КОКЛЮШ

1-е место по смертности – **Россия – 80,9 чел.**

2-е место по смертности – Шотландия – 43,3 чел.

3-е место по смертности – Австрия – 38,4 чел.

Меньше всего смертность от коклюша у:

Швейцарии – **15,9 чел. (!)**

Швеции – **15,2 чел. (!!)**

Норвегии – **14,9 чел. (!!!)**

Итак, Россия по смертности от дифтерии в 1,86 раза превосходит смертность от этой болезни в Венгрии, **и в 5,42 раз смертность от этой болезни в Норвегии.**

ТИФ

1-е место по смертности – **Россия – 91,0 чел.**

2-е место по смертности – Италия – 28,4 чел.

3-е место по смертности – Венгрия – 28,0 чел.

Меньше всего смертность от тифа у:

Германии – **5,4 чел. (!)**

Швейцарии – **4,6 чел. (!!)**

Норвегии – **4,0 чел. (!!!)**

Итак, Россия по смертности от тифа в 3,2 раза превосходит смертность от этой болезни в Италии, **и в 22,75 раз смертность от этой болезни в Норвегии.**

ИТОГОВАЯ ТАБЛИЦА (по всем перечисленным болезням)

1-е место по смертности – **Россия – 527,7 чел.**

2-е место по смертности – Венгрия – 200,6 чел.

3-е место по смертности – Австрия – 152,4 чел.

Меньше всего смертность по перечисленным болезням у:

Швеции – **56,2 чел. (!)**

Ирландии – **53,7 чел. (!!)**

Норвегии – **50,6 чел. (!!!)**

Итак, Россия по смертности от 6 заразных болезней в 2,63 раза превосходит смертность от этих болезней в Венгрии, и в 10,43 раз смертность от этих болезней в Норвегии.

Такая вот интересная статистика!

Записки члена отряда помощи голодающим Поволжья (1912 г.)

Когда вам говорят, что после 1891-1892 годов в Российской империи не было голода, а был "недород", вам врут. Берем "Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений" Н. Абрамова. Открываем и читаем - "НЕДОРОД см. голод". "ГОЛОД, голодовка, голодуха, голодьба; бесхлебица, бескормица, недород, неурожай; нужда, недостаток; алчность, аппетит. Голодный год. С голодухи. Голод не тетка, голод не свой брат"

<http://www.dict.t-mm.ru/abramov/q/golod.html>

И только так, а не иначе.

... из жизни благоденствующей императорской России. Читайте. И помните о том годе, о котором идет речь здесь.

Л. Н. Липеровский.

Жизнь и работа в деревнях Бузулукского уезда Самарской губ.

Настоящая статья не является полным отчетом о работе всего Бузулукского отряда Е. И. Орловой, а представляет собою лишь личные впечатления одного из его членов.

I.

Осенью прошлого года, когда разнеслась грозная весть о голоде в целом ряде губерний, трудно было, не реагируя ничем на это общественное бедствие, оставаться в Москве и продолжать свои обычные дела. Многие из моих близких товарищей и друзей стремились уехать на голод и мне также удалось вступить в московский отряд Ек. Ив. Орловой, который был организован ею сперва при помощи кружка частных лиц, а затем поддерживался московской городской управой, Московским О-вом грамотности общеземской организацией и многими частными лицами. 16 декабря наш отряд выехал из Москвы в Самарскую губ. В Самаре нам пришлось задержаться на несколько дней, чтобы получить у губернатора разрешение проникнуть в деревню кормить голодных крестьян. Мы находились в очень затруднительном положении, так как частные отряды были правительством воспрещены, а вступить в «Красный Крест», как нам было предложено губернатором, мы не могли, так как многие из тех лиц, которые через нас жертвовали средства, делали оговорку: «только не в «Красный Крест». В конце концов мы нашли удобный выход. При бузулукской земской управе был учрежден «комитет по оказанию помощи населению, пострадавшему от неурожая». В этот комитет земство открыло доступ и частным лицам. Мы вступили в члены этого комитета и таким образом получили возможность ехать в деревню. Отношение наше к земскому комитету выражалось в том, что мы

должны были все пожертвования проводить через земскую кассу и по окончании нашей деятельности представить земству все денежные отчеты.

II

26-го декабря, сделав 80-верстный путь на лошадях, по первому снегу, мы приехали в большое село Ефимовку, где, как мы слыхали еще в Москве, положение крестьян было очень тяжелое. **Очень скоро мы убедились, что приехали в самый острый момент развития голодовки. В селе была эпидемия брюшного тифа, и мне, как медику, с первого же дня пришлось обходить избы, чтобы составить себе представление о характере и силе эпидемии. Самые ужасные и вопиющие картины открывались предо мною. Я зарегистрировал в тот день около 30 случаев брюшного тифа и бесчисленное множество других заболеваний: гастритов, стоматитов, общего ослабления, куриной слепоты и два-три случая цинги. У меня, как мало опытного медика, голова шла кругом от такого обилия болезней, тем более, что все больные обращались ко мне за советом, просили или требовали лечить их и дать им хлеба. Стоило мне войти в какую-либо избы, как меня тотчас же плотным кольцом окружали больные. Большинство крестьянских жилищ представляли из себя глиняные мазанки с земляным полом и глиняным потолком и имели чрезвычайно жалкий вид. Сплошь и рядом мне приходилось входить в мазанки, где с первого момента решительно ничего нельзя было разобрать. Темно, смрад, из маленького окошечка, затыканного тряпьем, едва брезжить свет, под ногами что-то липкое и сырое. Когда привыкнешь к полумраку, то видишь печь, огромную кровать с грудой тряпья, около кровати — корова, ягнята; на печи дети, кто в чем: кто без штанов, кто в одной кофтенке. Под грудой лохмотьев кто-то ворочается — это хозяин дома: у него тиф. Во многих мазанках по нескольку дней не топили печь, потому что не было «кизяков». Во многих избах меня окружали и, понуря голову, жаловались, что у них «мочи больше нет» и что они уже 2-3 дня ничего не ели. В печи я сплошь и рядом находил только один чугунок с тепловатой, соленой водицей, в которой плавали какие-то крохи, не то картофеля, не то хлеба. У иных крестьян была ржаной хлеб, но только он один; никакой горячей пищи, щей, похлебки и в помине не было.**

Другие избы на вид производили очень хорошее впечатление: построенные из крупного леса, большие, просторные; но когда я знакомился с их хозяевами, оказывалось, что у владельца этого жилища пали 3 лошади, 2 коровы; **весь хлеб, который у него остался от прошлого года, он съел и превратился из «жителя», как там говорят, т.е. из достаточного крестьянина в нищего.**

Пришлось мне посетить некоторых больных в семьях крестьян вполне достаточных, **но таких в селе оказалось дворов десятков на 4,000 всего населения этого села.** Когда вечером все члены нашего отряда собрались вместе и обменялись впечатлениями, то для нас стало совершенно ясно, что мы приехали в местность, где крестьяне действительно голодают, где на почве голода развивается масса болезней с преждевременной смертью.

III.

Решено было немедленно открыть столовые и организовать медицинскую помощь. Средства, которыми мы располагали в начале нашей работы, были весьма ограничены и давали нам возможность кормить детей-школьников 180 человек и 200 человек взрослых. Нуждались в неотложной помощи

несравненно большее число людей и для нас была трудная задача, как распределить порции, кого кормить в первую очередь; в дальнейшем мы надеялись получить из Москвы денег и еще открыть столовые. Мы поступили такими образом: созвали сходку и всему «миру» объявили, что приехали из Москвы помогать им и намерены открыть столовые; деньги, на которые мы будем кормить, собраны в Москве копейками и рублями сочувствующими людьми. Мы сказали крестьянам, сколько у нас было денег и сколько человек мы можем прокормить на них, рассчитывая на каждого человека тратить в день не больше пяти копеек. **Так как удовлетворить всех мы не можем пока, то просим крестьян самих распределить помощь между самыми нуждающимися.**

На сходке крестьяне выбрали из своей среды двух уполномоченных, доверенных людей и этим уполномоченным поручено было составить список двухсот человек самых бедных. На следующее утро вновь собрали сход и уполномоченные представили список. **Список этот раза в три превышал норму и мы читали его вслух и всем миром обсуждали, кого оставить, кого пока выбросить.** На каждом шагу сходка останавливалась в недоумении, не зная как быть, так как многих крестьяне не находили возможным выкинуть, а увеличить список мы тоже не могли. Как бы то ни было, список в конце концов был фиксирован, сходка разошлась, и на душе у нас осталось очень тяжелое чувство.

IV.

Когда мы ехали на голод, то много думали о том, как и откуда будем получать хлеб и другие продукты. В действительности же оказалось, что **почти всюду, где нам пришлось кормить, можно было или в этом же селе или по соседству найти богатых мужиков, у которых хлеба сколько угодно.** В Ефимовке нашли такие богатые мужики, и у них мы в первый же день купили 1,000 пуд. пшеницы по 1 руб. 45 коп. за пуд. **(Обычная цена на пшеницу в тех местах 60 — 70 коп.).** Мясо тоже можно было достать на месте, зато пшено, картофель, лук, молоко, яйца и капусту сначала трудно было получать, а потом и совершенно невозможно. Все закупленные для столовых продукты были сложены в амбар, ближайшее заведение которым было поручено уполномоченному от крестьян; этот уполномоченный был обязан еженедельно выдавать из амбара продукты на каждую отдельную столовую и отвечать за целостность и сохранность амбара. Из своей среды крестьяне выбирали «столовщиков», которые брали на себя обязанность ежедневно выпекать определенное количество хлеба и готовить приварок. За свой труд, как уполномоченные, так и «столовщики» денег никаких не получали, а лишь пользовались правом брать себе определенное количество порций, чтобы кормить всю свою семью. «Столовщиками», следовательно, выбирали наиболее нуждающихся крестьян, которые охотно несли общественную обязанность. Иногда бывали недоразумения с киззяками — топливом; обычно же крестьяне охотно тратили свои дрова, раз они у них имелись. Каждый «столовщик» ежедневно готовил на 50 — 60 человек. **Ежедневная порция для каждого состояла из 1,5 фун. пшеничного хлеба и 1 бутылки горячего приварка. Попеременно готовили щи, картофельный суп и кулеш (густая пшенная каша).** В избе, где готовился обед, была вывешена «инструкция», т.е. расписание, в какой день что готовить и подробные указания, как готовить, что и в каком количестве класть в котел. Вот пример такой инструкции:

Столовая на 100 человек

	Ку леш	Картофельный суп постный	Картофельный суп скоромный	Щи постные	Щи скоромные
Воды	5 вед.	5 вед.	5 вед.	5 вед.	5 вед.
Пшена	20 ф.	6 ф.	6 ф.	6 ф.	6 ф.
Картофеля	10 ф.	20 ф.	20 ф.	-	-
Постного масла	2 ф.	1,5 ф.	-	1,5 ф.	-
Луковиц	8 шт.	10 шт.	8 шт.	10 шт.	8 шт.
Перцу молот.	1 ст. л.	1 ст. л.	1 ст. л.	1 ст. л.	1 ст. л.
Соли	2 ф.	2 ф.	2 ф.	2 ф.	2 ф.
Лавр. листу	15 шт.	15 шт.	15 шт.	15 шт.	15 шт.
Капусты кисл.	-	-	-	0,25 ведра, или	0,25 ведра, или
Капусты сушеной	-	-	-	2 ф.	2 ф.
Муки подбайки	-	2 ф.	2 ф.	2 ф.	-
Мяса	-	-	16 ф.	-	16 ф.
Гороху	-	-	-	8 ф.	8 ф.

Кроме того, «столовщик» получал от нас подробный расчет продуктов на неделю и на месяц. По этому расчету он должен был получать продукты из амбара от уполномоченного, и этих продуктов у него должно было хватать. На стене висел список тех лиц, которые должны были получать порции из данной столовой и на этом же списке дежурный отмечал всех получивших в этот день. Мука выдавалась с тем расчетом, чтобы столовщики из пуда муки выпекали 1 пуд. 18 фун. хлеба. Эти 18 фун. припеку мы требовали постоянно, и хорошего качества мука всегда давала этот припек.

Все дети должны были обедать обязательно в столовых и ни в каком случае не уносить свою порцию домой (кроме остатков хлеба); но взрослыми предоставлено было по желанию брать свою порцию домой. Мы наверное знали, что **многие дома разбавляют приварок в несколько раз водою и едят всей семьей, таки как, конечно, не все члены семьи получали обед, но как было бороться с этими злом и следует ли бороться с ним — мы не могли твердо решить; все же они принимали, хотя и плохую, но горячую пищу.**

Скоро столовые наши хорошо наладились и функционировали правильно. Но в первые же дни открытия столовых создалось очень тяжелое для нас положение.

Масса народу не попала в столовые; они целыми днями осаждали нашу избу, ловили нас на улицах и умоляли «пожалеть», «подписать на столовую». Мы разъясняли, что не можем больше никого «подписывать», что, ведь, мы на сходке говорили миру и выясняли, что больше 200 человек мы не можем кормить, но все это было для них непонятно. Иной раз для нас ясно было, что данному человеку необходимо помочь как можно скорее, что он «дошел», но чем помочь? И тут сотрудницы нашего отряда беспомощно рыскали по углам избы, не зная, чем бы накормить голодного и одеть его. А из соседних сель, хуторов и волостей к нам шел и шел народ: татары, чуваша, хохлы, башкиры, русские, с теми же просьбами, мольбами, иногда и требованьями, и угрозами. Подчас приходилось в резкой и категорической форме говорить с бедняками. Самими тяжело было садиться за еду в эти дни. Общая тяжелая картина крестьянской жизни усиливалась прямо-таки ужасающими падежом скота. Ежедневно в селе падали десятки голов.

V.

В январе наш отряд начал получать из Москвы большие пожертвования, и в течение месяца мы имели возможность открыть целую сеть новых столовых в Ефимовской волости, а именно в селах: Ефимовке, Васильевке, Гаршине, Ферапонтове, Федоровке и Таврическом хуторе. Самую острую нужду эти столовые удовлетворяли.

Здесь уместно указать на правительственную помощь, на характер ее и отношение к нашим столовым. В октябре месяце, когда голод стал принимать острые формы, были организованы правительственные общественные работы. Работы состояли главным образом в возведении земляных плотин. Post factum трудно было судить, насколько эти работы велись рационально. Многие из этих грандиозных земляных сооружений были размыты и уничтожены весенней водой. Крестьяне уверяли, что земляные работы производились слишком поздно, когда земля уже замерзла и что заранее было известно, что ничего хорошего от этих плотин ожидать нельзя, но как бы то ни было, крестьяне, хотя далеко не все нуждающиеся, получали от этих работ некоторую денежную поддержку, которая была для них в то время существенно необходима.

В ноябре месяце были устроены казенные столовые, которыми заведовали земские начальники и в которых кормили, как выражались крестьяне, «всех без разбора». Эти столовые просуществовали только две недели и были все закрыты по приказу губернатора. В Ефимовской волости после закрытия столовых были обнаружены «роковые последствия», благодаря чему возникло даже судебное следствие, куда был привлечен волостной старшина, заведовавший казенными столовыми. Это следствие наделало много шума в деревне.

После закрытия столовых была организована попудная возвратная ссуда зерном. Эта помощь состояла в том, что крестьяне получали ежемесячно по одному пуду зерна (пшеницы или ржи) на человека. **Трудоспособные мужчины не имели**

права на эту помощь; ссуда выдавалась только женщинам, детям и старикам. Дети, моложе одного года, получали по 0,5 пуда. Эту ссуду крестьяне получали с обязательством возврата ее. Безвозвратно ссуда выдавалась только старикам и убогим.

Здесь следует указать на то, что во всех тех местах Бузулукского уезда, где нам пришлось работать, нет ни одного завода, ни фабрики, ни кустарной промышленности, ни даже извоза, и, таким образом, взрослые мужчины, «работники» не могли иметь никаких заработков зимою и оставлены были безо всякой помощи. Итак, в каждой крестьянской семье далеко не каждый член ее получал ссуду. Выдавалась ссуда не в селе, а в уездном городе, куда надо было ехать за 2-3 пудами несколько десятков верст*. Благодаря ужасающему падежу скота, громадное большинство крестьян не имели возможности самостоятельно привезти себе хлеб. Лошади или пали, или были настолько слабы, что не могли пройти и десятка верст. Приходилось нанимать подводы у богатых мужиков. Денег не было и платили несколькими фунтами с каждого пуда. Привезенное в село зерно нужно было смолоть и за это уплатить также фунта два из того же пуда. Когда мука, наконец, попадала в крестьянскую избу, каждый пуд весил фунтов на 6-7 меньше. Итак, во-первых, не все члены крестьянской семьи получали ежемесячную зерновую ссуду и, во-вторых, в силу указанных обстоятельств каждый получать меньше предполагаемого пуда. При самом хорошем расчете и при очень плохом аппетите вся семья могла пробавляться полученным хлебом ни коим образом не больше 20 дней. Остальные десять дней месяца вся семья была обречена на полное голодание.

В эти 10 несчастных дней, которые в разных селах приходились на разные числа месяца, поднималось поголовное нищенство. Крестьяне села Ефимовки шли побираться в Васильевку и наоборот; шли из одной волости в другую в надежде, что там еще остался ссудный хлеб. В одну мелочную лавчонку в селе Покровке ежедневно заходили просить подаяния не менее 100 человек. Хозяин лавки был в отчаянии: «Не подавать нельзя, потому народ дошел, а подавать всем — разорюсь», говорит он. В конце концов картина была такова. В течение двадцати дней месяца крестьяне кое-как питались, не умирали с голоду, хотя ели один только черный хлеб, и эта полная сухомятка не предотвращала болезней. (Мой амбулаторный журнал показывает за это время 75% гастритов и стоматитов). Остальные 10 дней месяца положение каждого крестьянского двора было прямо-таки отчаянное — есть было решительно нечего.

Отсюда совершенно ясно, какое значение могла иметь и имела частная помощь. Столовые давали горячую пищу и известный процент населения кормили беспрерывно. Семья в 10 человек, получавшая ежемесячно 6 пудов хлеба в виде ссуды и из наших столовых 4 порции, т.е. 4 бутылки горячего приварка и 6 фунтов печеного хлеба ежедневно, могла прилично существовать, не хворая от голода и сухоядения. Одни только наши столовые были бы недостаточной помощью, так как кормили не всех; одна казенная помощь была бы также безусловно недостаточна. Поэтому, когда земские начальники объявили, что намерены лишить ссуды всех, кто кормится в наших столовых («чтобы не давать двух подачек»), то мы протестовали против этой меры, как только могли, так как предвидели весь ужас, который из этого мог получиться. Земские начальники хотели лишить крестьян

ссуды на основании какой-то определенной статьи, но, к счастью, никто в земстве не мог понять «истинного смысла» этой статьи, и все осталось по старому.

VII.

Из соседних волостей к нам беспрерывно шел народ с просьбами о помощи. В феврале месяце, когда в Ефимовской волости сеть столовых была устроена и столовые функционировали правильно, наш отряд вынужден был расширить свою деятельность на другие волости. Мы знали, что далеко уже уходим от первоначального плана кормить и ловчить в одном только селе, Ефимовке; **сознавали также свою неопытность и малочисленность, но нужда кругом была слишком велика.** Нами были открыты столовые в Покрово-Тананыковской, Андреевской и Ромашкинской волостях. **Когда мы приехали в Покрово-Тананыковскую волость, чтобы открыть там на средства, полученные от земства, школьные столовые, то скоро убедились, что помощь наша там несколько запоздала. Многие крестьянская семьи совершенно разорились. В селе Покровке нельзя было нигде достать хлеба. Заболеваемость была колоссальная. В селе Ивановке — эпидемия брюшного тифа, падеж скота и в довершение всего по всей волости эпидемия сифилиса.** Целью нашего приезда в эту волость было, как я уже указал, открыть школьные столовые, но для нас сразу стало ясно, что ограничиваться только одними школьными столовыми нечего было и думать. Необходима была самая широкая и скорая помощь.

Собранный нами сход носил чрезвычайно бурный характер. Мы не могли обещать крестьянам открыть столовые для взрослых, так как не имели на это денег, а крестьяне не хотели верить нашим словам. Вечером мужики намеревались разбить общественный амбар: «казенный», как они его называли, и Ек. И. Орловой стоило больших трудов уговорить их не делать этого. Мы обещали хлопотать о помощи.

Оказалось, что за две недели до нашего правда здесь функционировали земские столовые, которыми заведовал земский агроном. Эти столовые существовали всего несколько дней, и 1-го февраля были закрыты, при чем в земскую управу заведующим была отослана бумага, в которой он пишет, что закрыл все столовые за невысылкой ему денег.

К счастью, на наши телеграфные просьбы в Москву мы получили очень скорую поддержку и в течение нескольких дней нами были открыты столовые по всей Покрово-Тананыковской волости, в селах: Покровке, Александровке-Сергиевке, Своевольной-Ивановке, Костине, Ивановке и Лаврентьевке; после были открыты столовые и в Ромашкинской волости, в селах: Ромашкине, Родюновке и Бобровке. Всюду мы открывали столовые по раз установленному порядку: собирали сходки, на сходках составляли списки, выбирали уполномоченных, столовщиков и т.д... В селе Ивановке была устроена амбулатория и питательный пункт для больных. В марте месяце были получены средства от Московского Общества Грамотности и открыты столовые для детей школьного возраста в селах: Ивановке - на 60 человек, Костине — на 50 человек; Лаврентьевке — 50 человек, Шаболовке — 25 человек и в деревне Грибановке на 20 человек.

В Петровской волости, которая находится по соседству с Покрово-Тананыковской, положение крестьян было также крайне тяжелое. Нашему отряду не пришлось работать в этой волости, но некоторым из нас пришлось быть там и удалось

получить ясное представление о степени голода в ней и о размерах тифозной эпидемии. Всюду, где работать наш отряд мы старались составлять подворную опись с точными сведениями о состоянии каждой семьи. Вот выдержки из этих описей.

Взято три крестьянских семьи,— бедная, средняя и богатая.

1. Ф. Н. Никишев. Семья 7 человек. Надел 1,5 души; заседал 4,5 десятины. **Намолотил один челяк** сору. Покошу не было никакого — вся трава сгорела. Осенью имел 2 лошади, 2 коровы, 7 овец. Одну лошадь продал за 5 рублей, корову за 14 рублей и деньги «проел». Теперь одна лошадь больна — «висит»***, все овцы пали, осталась одна корова. Кормит корову старой соломой. Осенью был на общественных работах, получить 12 рублей; купил хлеба и керосину. Теперь собирает по миру.**

2. Ф. В. Карпов. 70 лет. Семья 10 человек; один работник. Надел 2 души; сеял 2,5 десятины, собрал 6 челяков, приготовил под яровое 2 десятины, остальную пахотную землю, 4 десятины, сдал в аренду на 2 года по 5 рублей за десятину. Осенью было 3 лошади, 3 коровы, 10 овец, 2 теленка. Теперь осталась одна лошадь, один подтелок «половой», т.е. в половинном владении с «шабром» — (соседом). Две овцы «проел», остальной скот пал. Осенью 4 дня был на общественных работах, получил 2 рубля.

3. П. Л. Лапин; семья 16 человек; два работника. Засев 13 десятин; собрал 9 челяков. Осенью имел 8 лошадей, 15 коров, 15 овец; одна лошадь, восемь коров и тринадцать овец пали; 5 лошадей продал по 7 рублей каждую; 5 коров продал по 10 рублей. Теперь остались две лошади и две коровы. Осенью в общественных работах участия не принимал, так как считался «жителем» и его не записали. **Продал вейлку, внутренние перегородки в избе, жерди; в амбарах нет ничего, солома на крышах разобрана.**

Эти примеры показывали нам, что крестьянское хозяйство в этих волостях основательно разорено. Крестьяне уверяли нас, что 3 - 4 года хорошего урожая едва ли вернуть потерянное за этот год.

VII.

Я уже упоминал об ужасающем падеже скота, как о факторе, делающем общую картину голода особенно тяжелой. Старики уверяли, что они не помнят ни одной из голодовок, которые им приходилось раньше переживать, когда бы падеж скота достигал таких чрезвычайных размеров. **Ежедневно в каждом селе падали десятки голов. К марту месяцу Бузулукская Земская Управа зарегистрировала падеж 10,000 только одних лошадей; количество павших голов рогатого скота и верблюдов было, вероятно, не меньше, а мелкий скот трудно было и учесть. В течении марта падеж продолжался, а в апреле усилился.**

В чем была причина такого падежа? Земские ветеринары не могли констатировать какой-либо определенной эпидемической болезни и приходилось объяснять падеж бескормицей. Действительно, во всем селе нельзя было достать ни клока сена, даже и у богатых мужиков; не было и свежей соломы, так как и хлеба и травы были сожжены засухой еще весной.

Скот кормили исключительно старой соломой но б. м. эта солома содержала в себе какое-либо вредное брожение, и лошади ее не переносили.

Те, кто имел хоть сколько-нибудь пшеничной или ржаной муки,— делали «месиво» или «посыпку», т.е. мелко рубили солому, мочили ее и посыпали мукою. Этим кормом скотина поддерживалась. Но кто же мог хлебом кормить животных, когда самим людям есть было нечего. Однако сплошь и рядом люди делили пищу с лошадью и коровой, при чем на свою долю оставляли меньшую часть.

Не нужно особенно детально вникать в сущность степного крестьянского хозяйства, чтобы видеть всю безусловную зависимость его от количества и качества скота. Не говоря уже о том, что хлебопашество, как всем известно, совершенно немыслимо без лошади, крестьяне, кроме того, с ног до головы одеваются теплой одеждой на счет скота (валенки, чулки, одеяла, шубы и т. д.) и наконец, без «кизяков», которые приготавливаются из навоза с соломой, крестьяне сидели бы без топлива. **Одной коровы и одной лошади для степного крестьянина недостаточно, а полное лишение скота равносильно уничтожению всего хозяйства.** Отсюда ясно, почему многие предпочитали лучше самим голодать, лишь бы осталась в живых лошадь и корова; этим объясняется и тот факт, что сплошь и рядом приходилось наблюдать, как корова живет в избе со всем крестьянским семейством и ей удивляется больше заботы и внимания, чем грудными детьми.

В течении всей зимы крестьяне непрестанно просили о помощи скоту, но мы не в силах были что-либо сделать для них в этом отношении, тем более, что Земство само обещало придти на помощь. Земский ветеринарный врач делал опись уцелевшего скота, и все ждали, что вот-вот будет назначена лошадям ссуда. Но помощь была оказана слишком поздно (или так и не была оказана). Стремление Земства приобрести для уезда 10,000 лошадей для поддержания крестьянского хозяйства, взамен павших, также не удалось привести в исполнение: лошади не были куплены. Весною, когда стоял снег, и нужно было выезжать в поле бороновать, степь представляла собою мрачную картину. По дорогами от села до села, направо и налево, лежали разлагающиеся трупы и скелеты животных с неизменными собаками и вороньему. Очень многие крестьяне не могли выехать в поле, таки как не на чему было бороновать, а те лошади, которые выехали, едва держались на ногах. Когда первый раз табуны были выгнан в ночное, то в селе Покровке не возвратились домой 22 лошади, так как ночью внезапно поднялся мокрый буран и лошади его не вынесли — пали.

Наш отряд имел возможность затратить 1,500 рублей на наем бороновщиков безлошадным и 1739 рублей на покупку им лошадей и скота. **Некоторые крестьяне бороновали свои полосы ручными граблями.**

VIII.

Медицинская работа нашего отряда, началась тотчас же по приезде нашем в село Ефимовку. Крестьяне предоставили нами под амбулаторию довольно просторную деревенскую избу, хозяева которой сами переселились в мазанку. В нашем распоряжении был достаточный запас медикаментов и инструментов, пожертвованных Феррейном, Келлером и Медлером. Главной нашей заботой было — локализовать эпидемию брюшного тифа, а затем вести ежедневный

амбулаторный прием. Когда в феврале месяце эпидемия в Ефимовке, была почти прекращена, мы перенесли центре медицинской работы в Покрово-Тананыковскую волость и устроили амбулаторию и врачебно-питательный пункта в селе Ивановке, где разрасталась эпидемия брюшного тифа. Здесь, как и в Ефимовке, крестьяне предоставили для амбулатории «мирскую избу», за которую мы все же платили, оказывая этими помощь хозяевами помещения.

Ежедневно рано утром, когда еще едва рассветало, помещение амбулатории уже было переполнено больными. **Принять больше 60 — 70 человек в день и «по совести» исследовать их у меня не хватало сил и терпения; приходящих же за помощью, часто было значительно больше. Попытки принимать ограниченное число по билетиками обычно ни к чему не приводили, так как часто к середине приема многие приходили из соседних сель пешком с детьми, и отказывать им, конечно, не было возможности. Вообще амбулаторный прием оказывался мало благодарной работой. **Только незначительному проценту больных удавалось оказывать настоящую помощь медикаментами; в большинстве случаев, приходилось ограничиваться настойчивыми советами и внушениями.****

Когда ко мне являлось около 40 женщин с грудными младенцами и подростками, то поставить 40 диагнозов по женским и 40 по детским болезням, с назначением соответствующего лечения, было задачей весьма мудреной; это было еще тем труднее, что самому приходилось тут же готовить лекарства, вертеть порошки и учить больных пользоваться всем этим. Последним обстоятельством очень затягивался прием. **Иной раз, когда собиралось большое количество больных с одинаковыми болезнями, я всем им вместе давал простые советы по гигиене, которые они легко могли применить в своей жизни. Я рассказывал им, например, как уберечься от заражения сифилисом, как пользоваться рационально баней, как кормить грудных детей и. т. п. Крестьяне очень интересовались этими беседами; слушали с большим вниманием, задавали вопросы и часто, как я могу в этом убедиться, следовали тем советам, которые ясно понимали и которые мы сообща признавали выполнимыми в их жизни.** Но так как никто не соглашался уходить из амбулатории «без пошла», и все с бутылками из под водки (самая распространенная посуда) в руках, просили освидетельствовать их и налить им в бутылки лекарства, то для такого рода бесед, приходилось с трудом урывать время.

Окончив амбулаторный прием, остальную часть дня я посвящал обходу тех изб, где лежали тифозные и другие тяжело больные. Первые дни мною было зарегистрировано 22 случая брюшного тифа и 2 случая цинги, а потом тифозная эпидемия некоторое время увеличивалась. **В большинстве случаев условия, в которых находились больные, совершенно не удовлетворяли даже самым элементарным требованиям гигиены. Было, например, несколько семей, где в душных, полутемных глинушках, вместе со скотом, на полу лежали 3 — 4, а в одной семье даже 5 тифозных. Когда я в первый раз пришел, в одно из таких семейств, осмотрел больных и дал простые советы: не пить сырой воды и питаться только сухарями, то единственный здоровый в семье человек, дед лет 70, поклонился мне в ноги, плакать и благодарил, что «их не забывают». Я едва мог утешить старика, и сам готовь был провалиться сквозь землю.**

В одной избе только что умерла женщина, туда же меня позвали к больной. Моим глазами представилась такая картина: в углу, под образами стоял гроб с покойницей; около гроба собрались все «шабры» (соседи) и подняли невероятный вой; на полу и на окнах голуби, которым кто-то сыпал пшено; дверь была открыта настежь. Больная лежала на печи; я попытался залезть туда, но инстинктивно попятился назад: **все на печи шевелилось от никогда мною невиданного обилия тараканов; во мне явилось чувство омерзения и ужаса, но все же пришлось взлезть на печь и осмотреть больную. У нее оказалось крупозное воспаление легких. Я указал хозяину дома на то безобразие, которое делается у него на печи. Но он удивился моему изумлению: «Что ж, это безбилетные, — они ничаво!»** Все, что я мог сделать,— это удалить всех шабров вон из избы и просить хозяина скорее похоронить покойницу.

Однако, несмотря на грязь и отсутствие всякой гигиены в избах, я не мог бы сказать, что положение было безвыходное. Не всегда, но довольно часто, когда удавалось найти какие-нибудь меры к улучшению гигиенических условий, например, изоляция больного, выселение детей к соседям; в случае смежности помещений, попеременное проветривание их и т. п., крестьяне всегда следовали советам, только предварительно им нужно было толково разъяснить значение той или иной меры, выпросить какие они находят от нее неудобства и т.д. Конечно, для выполнения всех этих советов, требовалась постоянная настойчивость.

Что касается сущности тифозной эпидемии, то, насколько в Ефимовке тиф протекал сравнительно благополучно, настолько в Ивановке ему постоянно сопутствовали тяжелые нервные явления, с продолжительным помрачением сознания и параличами. Вследствие этого в Ивановке борьба с тифом, была значительно труднее. **Вообще же, одной из самых действительных мер прекращения эпидемии, была выдача крестьянам горячей пищи и устройство питательного пункта для больных.**

Кроме тех болезней, которые были вызваны острым моментом голода: тифа, цинги, стоматитов, куриной слепоты, гастритов, я, ежедневно в течении шести месяцев соприкасаясь с жизнью деревни, мог констатировать целый ряд других, хронических заболеваний. **Подводя итоги своей медицинской деятельности по амбулаторному журналу, я убедился, что 40% деревенских жителей Покрово-Тананыковской волости, заражены сифилисом; 75% всех женщин, страдают гинекологическими заболеваниями, имеется достаточный процент костного туберкулеза, особенно среди татар и, наконец, всюду - колоссальная детская смертность.** Чтобы выяснить точную картину детской смертности, я записывал в амбулаторном журнале, сколько родилось детей у каждой проходящей ко мне женщины и сколько умерло их до восьмилетнего возраста. Эта запись показала мне, что **умирают 85% всех детей.**

Здесь я не имею возможности входить в детальное обсуждение всех причин, которыми обуславливается такое состояние деревни. Но главной причиной является несомненно тот факт, что **на 40000 населения медицинского участка приходится только один врач; ежедневный колоссальный амбулаторный прием отнимает у врача все силы и время, и о культурном влиянии медицины на гигиену деревни, конечно, не приходится и помышлять.** Так, например, **целая Покровско-Тананыковская волость заражена сифилисом, а население не имеет даже самых элементарнейших**

понятий о течении и симптомах этой болезни, не знает простейших способов уберечься от заразы: дети едят из одной чашки с сифилитиками-взрослыми, всякая болезнь у них - "простуда" или "головной тиф".

Деятельность знахарей-лавочников, "знающих бабок", которые у "дохтура в городе в стряпках жили", - вся, так называемая, народная медицина в худшем смысле этого слова процветает в деревне.

Можно было бы привести целый ряд примеров обычной крестьянской терапии. Так, мне пришлось познакомиться с новой болезнью "чемиром", которая излечивалась вырыванием волос из головы. Один крестьянин привел ко мне свою жену и просил полечить ее, так как его лечение (выдергивание волос) уже не помогало. Эта болезнь, оказалось, по-видимому, простой невралгией, и я должен был заменить специфическое крестьянское лечение антипирином. Самыми ходовыми лекарствами являются там "кал", "суляма" и "купорос". Зубные болезни лечатся всегда купоросом, а вся "простуда" выгоняется баснословными поглощениями иодистого калия и сулемы.

Сплошь и рядом ко мне являлись крестьяне, больные склерозом сердца и сосудов, и выяснялось, что в течении целого ряда лет они пили сулему. Попытки мои применить ртутное противосифилитическое лечение и разрушить веру крестьян во всеисцеляющую силу иодистого калия были встречены сначала враждебно, и один конфликт был вынесен даже на сходку. Однако, настойчивое применение ртутных втираний и часто прекраснейшие результаты их побеждали деревенскую косность.

Убийственный факт 85% детской смертности в деревне чрезвычайно поразил меня, и я стремился понять причины этого явления. Некоторые из них были вполне очевидны: сифилитическая и алкогольная наследственность, неумение кормить грудных детей и в силу этого постоянные гастриты их, беспризорность детей в рабочее время и гибель их в колодцах, прудах и частое отравление беленой — все это явления, которые мне постоянно приходилось самому наблюдать. Но все же эти причины казались ничтожными в сравнении с тою, которую мне в конце-концов пришлось обнаружить.

Передам следующий эпизод. В селе Ивановке есть одна очень симпатичная, большая и дружная крестьянская семья; все дети этой семьи чрезвычайно красивы; как-то я зашел к ним в глинушку; в люльке кричал ребенок и мать с такою силою раскачивала люльку, что та подбрасывалась до потолка; я рассказал матери, какой от такого качания может быть вред для ребенка. «Да пусть бы Господь прибрал хоть одного-то, — ничто не берет их, хоть бы с Шаболовки ветер подул», отвечала она, а Шаболовка — это очень грязное, грубое и зараженное сифилисом село, и все это мать призывает на своего ребенка! И все же это одна из хороших и добрых женщин в селе. Этот эпизод поразил меня до самой последней степени. Не удивительно невежество и неумение выращивать детей; неумеющих можно научить. **Но что делать с преступным нежеланием выращивать детей здоровыми?** Кто же виноват в таком вопиющем извращении материнского инстинкта, свойственного всем животным?

IX.

В апреле была прекращена выдача правительственной попудной ссуды. За май ссуда крестьянам не была выдана и, хотя скот можно было выгнать в поле, положение голодных сразу сильно ухудшилось. Наш отряд должен был

значительно расширить кормление в столовых. В конце мая начались кое-какие полевые работы. В Уральских казачьих пределах начался покос. Так как целые семьи уходили на продолжительное время из села, то нерационально было кормлением в столовых удерживать их в селах. К 1-му июня мы закрыли все столовые, заменив их пайковой выдачей по 1 пуд. 5 фун. пшеницы и 10 фун. пшена на каждого взрослого и ребенка-школьника. Кроме того, в Покрово-Тананыковской волости были учреждены нами ясли для маленьких детей на время всей рабочей поры, с 15 июня по 16 августа. В этих яслях кормилось 100 человек детей. Для правильного функционирования яслей, как одного из средств борьбы с детской смертностью, и на будущее время, а также для того, чтобы дать денежную поддержку ряду многосемейных крестьян Покрово-Тананыковской волости, нами были устроены общественные работы — постройка постоянного помещения для яслей. Это же помещение должно служить постоянным приютом и для детей - круглых сирот, родители которых умерли во время эпидемий предыдущих и этого голодных годов. Плата работникам за труд выдавалась, как пайки для их детей. На это предприятие было израсходовано 1400 руб., при чем из средств Московского О-ва Грамотности 900 руб., а остальные 500 рублей из средств, специально пожертвованных на это дело частными лицами.

При этом надо сказать, что в селе Лаврентьевке, а раньше в Ромашкине уже существовал приют для детей — круглых сирот Бузулук-Тананыковского района. Приют этот был основан в 1907 году при участии Пояркова, **после голодного 1906 года. Но в последнее время он, не имея собственного помещения и забытый старыми благотворителями, начал приходить в упадок.** Обычно сами крестьянские общества давали средства для прокормления и обучения детей приюта, но в этом году, когда большинство крестьян разорилось, а число детей-сирот увеличилось, наш отряд должен был взять кормление детей на средства Московского Общества Грамотности. Но, считая безусловно нравственно невозможным, прокормив их несколько месяцев, бросить детей на произвол судьбы, мы воспользовались возможностью построить для приюта постоянное помещение, связав его с устройством яслей на время рабочей поры и дав одновременно хорошую поддержку многосемейным крестьянам в острый момент голода.

Одно частное лицо (В. Г. К.) пожертвовало средства на покупку участка земли для приюта и на содержание воспитательниц в течение одного года.

Приют построен в селе Костине, Покрово-Тананыковской волости и находится в ведении «Бузулук-Тананыковского Общества трудовой помощи».

Есть надежда, что эта Костинская детская колония превратится в кустарно-ремесленную и земледельческую колонию, каковые прямо-таки необходимы в той местности, и хочется ждать дальнейшей поддержки этого гуманного и просветительного дела со стороны интеллигентного общества.

Удивительная нищета, грязь и невежественность постоянно поражали нас на каждом шагу нашей работы в деревне. Часто невыносимо больно было смотреть на жизнь крестьянина. Но одно нас всегда поддерживало — это **полное осознание крестьянами своей темноты и страшная жажда просвещения.** Это явление и нам, временным работникам в деревне, давало бодрость и светлые надежды на будущее. **Крестьяне постоянно приходили к нам за советами и всюду жаловались на то, что только небольшой процент**

всех их детей получает возможность обучаться в школах, да и самые школы не удовлетворяют их. Главное же то, что совершенно нет сельских библиотек, негде достать книгу, и дети, кончившая школу, скоро забывают грамоту, не имея возможности чтения. Те немногие книжки, которые имели члены нашего отряда, брались нарасхват, а детские книжки с цветными картинками приводили ребятишек в полный восторг. Книг Нового Завета очень многие крестьяне никогда не видывали и не читали. Если иногда приходилось прочесть в крестьянской избе несколько строк из Евангелия на русском языке, то это производило необычайно сильное и глубокое впечатление.

В с. Ефимовке у меня был один, внезапно заболевший мальчик-школьник, который все время своей тяжелой болезни и до самого момента смерти не расставался с книгой. Грамотный ребенок всегда любимец в крестьянской семье; при каждом удобном случае он собирает вокруг себя шабров и родных и читаешь вслух выученные в школе рассказы и стихотворения.

Сельские учительницы часто поражали нас своей любовью к детям, любовью к школьной работе, но их слишком мало и в слишком тяжелых условиях приходится им жить и работать.

Во время пребывания нашего в деревне, члены отряда очень интересовались принципиальным отношением крестьян к самому факту голодовок и к частной даровой помощи. Известно, что голодовки в деревне явление довольно обычное, к которому крестьяне в достаточной степени привыкли. В одной из волостей (Графской) построено даже специальное помещение для столовых в голодное время.

Но, хотя народ и привык к голодовкам, однако, «приспособиться» к ним он все же не в состоянии, и когда голод наступает в такой острой форме, как в минувший год, крестьянин, чтобы спастись от гибели, вынужден пользоваться посторонней помощью. Казенной ссуды, как я указывал, было недостаточно; к тому же, ссуда выдавалась с обязательством возврата, и крестьяне всегда относились к получению ее очень осторожно, зная, что они влезают в долги. Частная помощь была крайне необходима и выдавалась даром. Все это крестьянин хорошо понимает и учитывал, и потому к частной помощи относился с большой благодарностью. Бывали случаи, когда крестьяне, находясь в крайней нужде, охотно брали нашу помощь, но при этом замолчали, что «стыдно хлебопашцу самому протягивать руку за куском хлеба».

Было очень интересно узнать нашему отряду, что в тех самых деревнях, где мы работали, некогда кормил народ Лев Николаевич Толстой. Крестьяне помнят Толстого и случайное тождество его имени и отчества с именем одного из членов нашего отряда давало повод крестьянам к частым воспоминаниям о нем.

Приятно сознавать, что в самой глуши деревни знают Толстого и с любовью вспоминают о нем.

Когда мы уезжали домой, крестьяне торжественно провожали нас и просили «благодарить Москву, что не оставляет».

*) Из с. Ефимовки обратная дорога в город 160 верст

**) Челяк = около 3/4 меры.

***) Лошади так ослабли, что не держались на ногах; под брюхо им подкладывали палки, за концы которых привязывались веревки и подвешивали лошадь к потолку; тогда лошадь полувисела, полустояла.

Публикуется по: Московское Общество Грамотности. Комиссия школьных столовых. Помощь голодающим в 1912-м году. Москва, Типография П.П. Рябушинского, 1913 г.

ГОЛОД И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА.

Как-то я обещал одному моему «оппоненту» материал о том, что именно ГОЛОД был одним из ключевых моментов, с которого и началась революция 1917 года в Российской империи. Я обещал – я выполнил.

Сегодня я приведу некоторые заключительные главы из Нефедова «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века».

Читайте и наслаждайтесь, так рушатся Империи...

Уже осенью 1916 года повышение хлебных цен породило новую волну голодных бунтов и забастовок в промышленных районах. 17 октября началась стихийная забастовка 30 тысяч рабочих Выборгского района Петрограда. Рабочие направились к казармам, где размещались солдаты 181 полка, и солдаты присоединилась к рабочим (правда, они не имели оружия). Казаки отказались стрелять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк, после ожесточенных столкновений огромные толпы рабочих и солдат были рассеяны, 130 солдат было арестовано. Однако забастовка продолжалась еще несколько дней, и число бастующих достигло 75 тысяч [86].

События 17-19 октября по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, стихийность, внезапность, участие женщин, переход солдат на сторону народа, отказ казаков стрелять в толпу) напоминают события 23-28 февраля 1917 года, и Л. Хеймсон назвал их «репетицией Февральской революции» [87]. Эта «репетиция» настолько встревожила Министерство внутренних дел, что оно спешно разослало циркулярные телеграммы с целью выяснить обстановку на местах.

30 октября директор Департамента полиции А. Т. Васильев представил доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «**чудовищно растущая дороговизна**». Указывалось, что в Москве и Петрограде «оппозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 года, и что, если обстоятельства не изменятся, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера».

Особо отмечалось донесение начальника Кронштадтского гарнизона, который предупреждал, что на подавление беспорядков войсками рассчитывать нельзя ввиду их ненадежности.

Волна голодных стачек в городах быстро нарастала. О том, что с лета 1916 года интенсивность рабочего движения определялась уже не политическими и военными событиями, не призывами партий, а голой экономической реальностью, говорит появившаяся с этого времени прямая корреляция между числом стачечников и ценой на хлеб.

В начале 1917 года речь шла уже не о росте цен, а об отсутствии хлеба. Московский городской голова М. В. Челноков послал председателю Совета министров четыре телеграммы, предупреждая, что **нехватка продовольствия «угрожает вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения столицы»** [112]. 23 февраля председатель Общества фабрикантов московского промышленного района Ю. П. Гужон телеграфировал военному министру, что в результате закрытия хлебопекарен **93 тыс. рабочих не получают хлеба: «Фабрики и заводы приостанавливаются, рабочие волнуются, уходя искать хлеба»** [113]. Таким образом, в Москве назревал такой же грандиозный голодный бунт, какой произошел в Петрограде.

Голод угрожал и армии. В декабре 1916 года состоялось совещание в Ставке под председательством Николая П. **«На этом совещании выяснилось, что дело продовольствия войск в будущем должно значительно ухудшиться... – писал А. А. Брусилов. – Нам не объясняли причин расстройств народного хозяйства, но нам говорили, что этому бедственному положению помочь нельзя»** [114]. **Пока же солдатам в окопах вместо 3 фунтов хлеба в день стали давать 2 фунта, а в прифронтовой полосе – 1,5 фунта.** Лошади почти не получали овса и находились в истощенном состоянии, поэтому артиллерия потеряла мобильность, и армия уже не могла наступать. В случае отступления такое положение должно было привести к потере артиллерии и обозов [115].

В декабре 1916 года накопившееся недовольство солдатских масс, наконец, прорвалось в массовых выступлениях непосредственно на фронте. В ходе Митавской операции 23-29 декабря отказался идти в атаку 17 пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат. Командование все же смогло справиться с ситуацией; около ста наиболее активных участников выступления были расстреляны, несколько сот были осуждены на каторгу [116].

В начале 1917 года по распоряжению председателя Совета министров было проведено обследование настроений войск на Северном и Западном фронтах. В материалах этого обследования отмечалось, что солдаты видят в деятельности правительства «измену и предательство» и был сделан вывод, что «возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как, любя царя, они все же слишком недовольны всем управлением страны» [117]. Командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов писал: «Можно сказать, что **к февралю 1917 года вся армия... была**

подготовлена к революции» [118]. Генерал А. М. Крымов говорил председателю Думы М. В. Родзянко незадолго до Февральской революции: «**Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения.** Таково грозное, все растущее настроение в полках» [119].

Наиболее опасным для властей было то обстоятельство, что на фронте заканчивались запасы продовольствия. В начале февраля на Северном фронте продовольствия оставалось на два дня, на Западном фронте запасы муки закончились и части перешли на консервы и сухарный паек [120]. 22 февраля Николай II срочно отправился из Петрограда в Ставку спасать армию от продовольственного кризиса [121]. Но на следующий день под воздействием того же продовольственного кризиса начались массовые волнения в Петрограде.

.....

В течение 1916 года среднее месячное потребление муки в Петрограде составляло 1276 тыс. пудов. Перебои с поставкой начались в ноябре, когда в столицу было доставлено 1171 тыс. пудов; в декабре поставка упала до 606 тыс. пудов, в январе было доставлено 731 тыс. пудов [122]. В течение первых двух месяцев 1917 года установленный план снабжения Москвы и Петрограда хлебом был выполнен только на 25%. Петроград жил на счет запасов, которые стремительно уменьшались; с 15 января до 15 февраля запасы муки уменьшились с 1426 до 714 тыс. пудов. 13 февраля градоначальник А. П. Балк сообщал премьер-министру, то за последнюю неделю подвоз муки составлял 5 тыс. пудов в день при норме 60 тыс. пудов, а выдача муки пекарням – 35 тыс. пудов в день при норме 90 тыс. пудов. А. А. Риттих объяснял февральский срыв снабжения Петрограда снежными заносами; утверждалось, что 5700 вагонов застряли в пути из-за снегопадов. Однако трудности такого рода бывали всегда: в начале 1916 года оказались под снегом 60 тыс. вагонов – но это прошло незамеченным, потому что в городах были достаточные запасы хлеба. Очевидно, что временные срывы поставок начинают ощущаться лишь в период кризиса, когда система снабжения готова рухнуть и достаточно малейшего толчка, чтобы произошла катастрофа. Впрочем, по некоторым сведениям, дело было не в заносах на железных дорогах: 16 февраля на совещании в Ставке главноуправляющий Министерства земледелия Грудистов оправдывал кризис снабжения не неподачей вагонов, а тем, что метели затруднили подвоз хлеба к станциям. Как бы то ни было, поставки не выполнялись и в предшествующие месяцы, так что снежные заносы (если они действительно имели место) только ускорили кризис. К 25 февраля запасы уменьшились до 460 тыс. пудов, а по другим сведениям – до 300 тыс. пудов [123].

Правительство прекрасно понимало всю опасность сложившейся ситуации – и делало все возможное, чтобы избежать восстания. Как отмечалось выше, в конце января на переговорах со странами Антанты министр финансов П. Барк говорил о надвигающейся катастрофе и просил о предоставлении срочного кредита для укрепления курса рубля.

Английский представитель лорд Мильнер ответил на это, что «увы, англичане не волшебники», но пообещал рекомендовать своему правительству рассмотреть вопрос о кредите [124]. Сомнительно, чтобы эти неопределенные обещания могли помочь царскому правительству, и в любом случае было слишком поздно: делегаты еще не успели

вернуться на родину, как началась революция. Провожая своих делегатов, французский посол М. Палеолог поручил им передать президенту, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими полки уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию [125].

Английский посол Д. Бьюкенен еще до конференции попытался предупредить царя о грозящей опасности, он говорил о необходимости примирения с Думой, о жестоком продовольственном кризисе и о ненадежности войск. «Революция носилась в воздухе, – писал Д. Бьюкенен, – и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... **Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно**» [126].

Когда на торжественном обеде 22 января Д. Бьюкенен сказал императору, что, по его сведениям, продовольственное снабжение прекратится через две недели, и что нужно спешить с принятием мер, то император согласился и прибавил, что **«если рабочие не будут получать хлеба, то несомненно, начнутся забастовки»** [127]. В этом ответе Николая II, так же как в ответе лорда Мильнера, и в обсуждении на совещании в Ставке явственно просматривалось признание того факта, что продовольственное положение будет ухудшаться и что **«этому бедственному положению помочь нельзя»**.

Таким образом, оставалось готовиться к голодному бунту – и правительство готовилось.

Иногда высказывается мнение, что власти демонстрировали «вопиющую беспомощность и непредусмотрительность», что если бы не их некомпетентность, то вспыхнувший бунт можно было бы подавить [128]. В действительности **власти планомерно и тщательно готовились к подавлению неизбежного восстания**. Комиссия под председательством командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова закончила в середине января разработку плана дислокации и действий войск. Во главе карательных частей был поставлен командующий гвардейскими запасными частями генерал Чебыкин. Полки были расписаны по районам. В каждом из шести полицмейстерств полиция, жандармерия и войска объединялись под командованием особых штаб-офицеров. Власти пошли на беспрецедентный шаг: они вооружили полицейские части пулеметами; в Петрограде на крышах домов было оборудовано не менее 50 пулеметных гнезд [129]. Полковник Д. Ходнев свидетельствует, что «петроградская полиция, как пешая, так и конная, равно как и жандармские части, были достаточны по численности и находились в образцовом порядке» [130]. Всем рядовым чинам полиции было объявлено, что им, как солдатам осажденной крепости, будет выдаваться усиленный оклад: от 60 до 100 рублей. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов резко усилить агентурную деятельность; благодаря этому он был хорошо осведомлен о планах оппозиции, и в частности, о готовившейся Рабочей группой демонстрации 14 февраля. К началу этой демонстрации полицейские пулеметчики заняли свои посты на крышах домов, а почти все ее организаторы были арестованы [131]. Как считает Л. Хеймсон, это было одной из причин того, что намеченная манифестация не приобрела большого размаха [132]; за этот успех А. Д. Протопопов удостоился личной благодарности царя [133]. Таким образом, власти действовали предусмотрительно, и в некоторых случаях достаточно эффективно – поэтому революцию невозможно списать на их «вопиющую беспомощность».

Однако министра внутренних дел беспокоил вопрос о дислокации в Петрограде ненадежных запасных батальонов находившихся на фронте гвардейских полков – и это беспокойство было вполне понятно в свете имевших место восстаний запасников в Кременчуге и Гомеле. Как писал позднее А. Д. Протопопов, он обратился к генералу Хабалову с просьбой вывести из города запасные батальоны, но Хабалов ответил, что в округе нет других казарм, и заверил министра, что «войска исполнят свой долг» [134].

Однако многие сведущие представители власти, в том числе начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, продолжали высказывать сомнения в надежности запасных батальонов, в частности, потому, что солдаты этих батальонов явно не желали отправляться на фронт (отправка была назначена на 1 марта) [135]. В начале 1917 года прошел большой призыв и казармы запасных батальонов были переполнены; в них находилось около 200 тыс. солдат. «Вышедшие из лазаретов рассказывали об ураганном огне, о страшных потерях, – писал С.С. Ольденбург, – Солдатские массы были проникнуты одним страстным желанием – чуда, которое избавило бы их от необходимости “идти на убой”» [136].

9 января на совещании в штабе Петроградского военного округа Глобачев прямо спросил генерала Чебыкина: «Ручаетесь ли вы за войска?». Чебыкин ответил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более что подавлять беспорядки будут назначены самые отборные, самые лучшие части – учебные команды» [137]. Учебные команды состояли из специально отобранных солдат, проходивших подготовку для последующего назначения сержантами. В отношении других воинских частей были приняты меры к изоляции их от петроградского населения; на проходные казармы были поставлены учебные команды, и солдат не выпускали на улицу; солдатам не давали оружия, находившегося под охраной специальных нарядов [138].

Тем не менее, Николай II испытывал тревогу и отдал приказ перевести в Петроград с фронта четыре надежных (как он считал) полка гвардейской кавалерии. Но приказ не был выполнен. А. И. Гучков (со слов командующего гвардейским кавалерийским корпусом принца Лихтенбергского) рассказывал, что офицеры-фронтовики стали протестовать, говоря, что они не могут приказать своим солдатам стрелять в народ: «это не сражение». В итоге вместо гвардейской кавалерии в Петроград были присланы три флотских экипажа, в надежности которых Протопопов глубоко сомневался [139]. Впрочем, нельзя утверждать, что у властей не было надежных частей: в подавлении «беспорядков» 26 февраля участвовали десять эскадронов гвардейской кавалерии из Красного Села и Павловска [140].

Обеспокоенная продовольственной ситуацией Петроградская городская дума 13 февраля высказалась за введение нормирования продажи хлеба; 19 февраля градоначальник Балк решил ввести карточную систему с первых дней марта [141]. Слухи о введении карточек быстро распространились; с середины февраля печать сообщала о предстоящем в ближайшее время введении карточной системы и о том, что на взрослого едока будет отпускаться не более 1 фунта хлеба в день.

1 фунт в день – это норма, недостаточная для нормального питания взрослого человека, что же касается детей, то на них планировалось отпускать вдвое меньше.

Разумеется, это вызвало стремление запастись хлебом, которое быстро переросло в продовольственную панику. Необходимо подчеркнуть, что паника не была случайностью – это была естественная реакция населения на стремительное уменьшение запасов. Газета «Речь» писала 14 февраля: «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получит булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше 1-2 фунтов на человека в день не продают, обывателям приходится являться в лавки со всеми своими домочадцами...» [142].

«У нас сейчас расклеены на всех заборах объявления градоначальника с убеждением рабочих не бастовать и обещанием расстрела, – свидетельствует одно из перлюстрированных полицией писем. – Готовится второе 9-е января. По всему судя, резюмируя все слухи и факты – быть взрыву. Но к чему это приведет? Чья возьмет? **Страшно подумать: у нас нет хлеба...**» [143]

21 февраля пристав 4-го участка Нарвской части докладывал градоначальнику о нехватке хлеба и быстром росте недовольства: «**Явление это крайне прискорбно и нежелательно, уже потому, что рабочий, не имея времени стоять в очереди, хлеба купить никак не может, а когда освобождается, такового в лавках уже не имеется**» [144].

22 февраля пристав 2-го участка Выборгской части докладывал: «**Среди... рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба; почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2-3 дня и более, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размера, что некоторые, дождавшиеся покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости**» [145].

Директор департамента полиции, в свою очередь, докладывал министру внутренних дел: «...продолжающееся возрастание цен неустанно поддерживает в столичном населении настолько повышенно-нервное настроение, что при условии достаточного к тому повода в Петрограде действительно могут произойти массовые стихийные беспорядки...» [146]

23 февраля рабочие праздновали международный женский день. Накануне на собраниях и митингах большевики призывали работниц отказаться от «несвоевременных» выступлений. Тем не менее, текстильщицы Невской ниточной мануфактуры объявили забастовку и толпой, **с криками «Хлеба!»**, двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Все это происходило на Выборгской стороне, которая еще не вполне успокоилась после октябрьских событий. Движение разрасталось как снежный ком; к вечеру число бастующих достигло 60 тысяч; произошло несколько столкновений демонстрантов с полицией [147].

Политические партии пока не придавали особого значения этим событиям. Выступая в Думе, лидер думских социалистов А. Ф. Керенский не звал к революции, а предостерегал об опасности всепоглощающего голодного бунта. **«Ведь масса, стихия, у которой единственным царем делается голод, у которой... вместо рассуждения является острая ненависть ко всему, что препятствует им быть сытыми, уже не поддается убеждению и словам»** [148].

24 февраля бастовало уже 200 тысяч рабочих. Полиция разгоняла митингующих, но они вскоре собирались в других местах. **Этот день – в соответствии с обычной картиной голодного бунта – был ознаменован разгромом и разграблением большого числа булочных и других магазинов** [149].

Ни правительство, ни либеральная оппозиция еще не понимали смысла происходивших событий. «Удивительно, как мало значения придавали демонстрациям 23-25 февраля те, кого это более всего касалось... – писал Г.М. Катков. – В думских дебатах о демонстрациях не упоминали; Совет министров, заседавший 24 февраля, демонстрации даже не обсуждал... Даже революционная интеллигенция Петрограда не отдавала себе отчета в том, что происходит. Мстиславский-Масловский, старый эсер-боевик, говорит в своих мемуарах, что революция, “долгожданная, желанная”, застала их, “как евангельских неразумных дев, спящими”» [150]. **«Какая там революция! – говорил 25 февраля руководитель бюро ЦК большевиков А. Г. Шляпников. – Дадут рабочим по фунту хлеба и движение уляжется»** [151].

С одной стороны, и оппозиция, и власти постоянно говорили об опасности беспорядков, восстания, революции – но когда революция началась, они не приняли происходящее всерьез. С точки зрения Милюкова, движение оставалось «бесформенным и беспредметным»; **оно сводилось к разгромам булочных и митингам под лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!»** [154].

Днем 25 февраля императрица телеграфировала царю: **«Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба...»** [155].

Ближе к вечеру председатель Думы Родзянко встретился с главой кабинета Голицыным, военным министром Беляевым и Риттихом, **но не смог получить от них вразумительного ответа на вопросы о мерах по организации хлебного снабжения и по умиротворению горожан.** **«Дайте мне власть, и я расстреляю, но в два дня все будет спокойно и будет хлеб»**, – самоуверенно заявил Родзянко [156]. Это заявление было вполне характерно для оппозиции, готовой на все, чтобы получить власть, но слова о том, что «будет хлеб», были, конечно, блефом – невероятно, чтобы некомпетентный в этом вопросе Родзянко мог обеспечить хлебное снабжение лучше, чем Риттих.

Хабалов, как и правительство, видел в происходящем **лишь продовольственные волнения**, поэтому он не давал полицейским разрешения на применение оружия и избегал использовать войска. Между тем, 25 февраля демонстранты осмелели и стали нападать на полицейских; в течение дня произошло 11 серьезных столкновений, когда в полицию стреляли и бросали бомбы. На Выборгской стороне демонстранты напали на два полицейских участка; несколько полицейских было убито. Обнаруживались все новые

свидетельства ненадежности войск. Солдаты Финляндского полка после одного из столкновений вернулись в казармы и дали клятву не стрелять в народ. Казаки не подчинялись приказам и обнаруживали прямую склонность к братанию с толпой. Когда на Знаменской площади конная полиция атаковала митинг, казаки ударили ей в тыл и прогнали полицейских. На Казанской улице казаки освободили арестованных и избили городских, обвиняя их в том, что они служат за деньги [157].

Один из информированных агентов охраны (член Выборгского районного комитета большевиков) составил для властей обстоятельный обзор событий 23-25 февраля. «...Движение вспыхнуло стихийно, без подготовки **и исключительно на почве продовольственного кризиса**, – говорилось в этом обзоре. – Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то масса получила уверенность в своей безнаказанности и ныне... народ уверился в мысли, что началась революция, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня-завтра выступят открыто на стороне революционных сил... Ныне все зависит от линии поведения воинских частей, если последние не перейдут на сторону пролетариата, то движение быстро пойдет на убыль, если же войска станут против правительства, то страну уже ничего не спасет от революционного переворота» [158].

Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два больших столкновения, в ходе которых офицеры, чтобы сдержать натиск толпы, по собственной инициативе приказывали солдатам открывать огонь. Властям становилось ясно, что без применения оружия не обойтись. Ближе к ночи командующий военным округом **генерал Хабалов получил телеграмму царя с требованием во что бы то ни стало прекратить беспорядки** [159].

События развивались неумолимо: война породила инфляцию, инфляция породила продовольственный кризис, продовольственный кризис породил голодный бунт, и, хотя власти не желали применять оружие для его подавления, они были вынуждены отдать роковой приказ. Как теперь становится ясным, отдавать такой приказ ненадежным войскам – войскам, состоящим из крестьян, которые ненавидели власть, не желали сражаться за нее и требовали земли, – означало провоцировать почти неизбежный солдатский мятеж и революцию.

А. Д. Протопопов действовал по сценарию, успешно реализованному 14 февраля.

Полицейские пулеметчики заняли свои места на крышах домов. В ночь с 25 на 26 февраля были арестованы почти все находившиеся в Петербурге активные деятели левых партий – свыше 100 человек, в том числе сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова, пять членов комитета большевиков и остатки Рабочей группы. Исходивший из традиционных представлений Протопопов надеялся таким образом обезглавить революцию. Но как вскоре выяснилось, арестованные ничем не руководили; **революция развивалась сама собой – это была «революция без революционеров»** [160].

26 февраля войска получили приказ стрелять в демонстрантов. Хабалов вывел на улицы самые верные, как он считал, части – учебные команды [161]. К вечеру центр города с помощью пулеметов был «очищен» от митингующих. Самый большой расстрел

произошел на Знаменской площади, где действовала учебная команда Волынского полка во главе с капитаном Лашкевичем; здесь было убито больше сорока человек. Однако рабочие–очевидцы расстрелов сразу же бросились к казармам запасных частей, умоляя запасников остановить своих товарищей из учебных команд, и уже вечером в день расстрела произошел первый солдатский бунт. Состоявшая из фронтовиков четвертая рота Павловского полка (1500 солдат) двинулась в город, но у восставшей роты было лишь 30 винтовок, и, расстреляв все патроны, она была вынуждена положить оружие и вернуться в казармы [162]. «Могло казаться, что царизм снова выиграл ставку и движение будет раздавлено», – писал Н. Н. Суханов [163].

Но затем произошло неожиданное – и вместе с тем давно ожидавшееся, то, о чем предупреждал Дурново, и то, что уже не раз повторялось при подавлении голодных бунтов: войска перешли на сторону народа. Всю ночь на 27 февраля генерал Хабалов получал тревожные сообщения из казарм, поначалу они не подтверждались, но в штабе ожидали нового солдатского бунта – и он произошел. Вернувшиеся после расстрелов солдаты Волынского полка на ночной сходке решили больше не подчиняться карательным приказам – однако речь об организации какого-либо выступления на сходке не шла. Когда утром Лашкевич пришел на построение, солдаты отказались повиноваться; капитан вышел во двор казармы – и тут из окна прогремел сразивший его выстрел. Кто стрелял – осталось неизвестным, но выстрел послужил сигналом к бунту [164].

Восстание было настолько спонтанным, что в ответ на вопрос об инициаторах выступления Волынского полка солдаты называли шесть разных имен [165]. Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; вскоре они соединились с рабочими Выборгской стороны, которые захватили оружие и сражались с полицией.

Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казармы к казарме; в некоторых случаях восставшим приходилось преодолевать сопротивление стоявших на проходных учебных команд, прежде чем запертые в казармах солдаты получали возможность присоединиться к «мятежникам». В других случаях части сами выходили навстречу восставшим с музыкой и с пением «Марсельезы». Лишь один самокатный полк, в который набирали призывников из состоятельных слоев населения, отказался участвовать в «мятеже» – однако его сопротивление было быстро подавлено.

Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем – 26 тысяч, вечером – 66 тысяч, на следующий день – 127 тысяч, 1 марта – 170 тысяч, т.е. весь гарнизон Петрограда. Днем 27 февраля Хабалов отправил отряд (сколько смог собрать – всего лишь около тысячи солдат) против «мятежников», но после незначительных столкновений солдаты перешли на сторону восставших. После этого Хабалов сосредоточил последние верные царю части у Зимнего дворца и Адмиралтейства; генерал Занкевич вышел переговорить с солдатами и понял, что на них рассчитывать нельзя; солдаты понемногу самовольно покидали Дворцовую площадь. К утру у Хабалова в Адмиралтействе осталось только полторы тысячи солдат, которые потребовали у генералов отпустить их (но Хабалов утверждал, что он сам распустил солдат под угрозой обстрела из пушек Петропавловской крепости). Генералы остались в Адмиралтействе дожидаться ареста [166].

Современные историки согласны во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в революции [167]. Впечатление от яростного бунта огромной массы солдат было таково, что уцелевшие офицеры в ужасе разбежались и попрятались. «Развитие бунта говорит о том, что ничего нельзя было сделать, чтобы его остановить», – констатирует Р. Пайпс [168]. Однако многие полицейские наряды, используя размещенные на крышах зданий пулеметы, сражались до последнего патрона [169].

«Петроградская полиция самоотверженно, честно и доблестно исполнила свой долг перед царем и родиной, – свидетельствует полковник Д. Ходнев. – Она понесла огромные потери» [170]. Разъяренные солдаты устроили полиции «кровавую баню». «Запасы противочеловеческой ненависти вдруг раскрылись и мутным потоком вылились на улицы Петрограда...» – писал офицер, свидетель событий [171]. В конечном счете, перепуганная полиция перешла на сторону восставших, и одна из жандармских рот даже прошествовала к зданию Думы под красным знаменем и под звуки «Марсельезы» [172].

Председатель Думы Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты, были на самом деле, «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе – “земли и воли”, “долой Романовых”, “долой офицеров”...» [173] 28 февраля у солдат появились первые, наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!» [174]. 1-2 марта по всему городу происходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!» [175]

Когда две недели спустя происходил первый парад революционного петроградского гарнизона, М. Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах – почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!» [176]

Таким образом, это был, собственно, не солдатский бунт, а крестьянское восстание.

Подобно тому, как всеобщая стачка октября 1905 года спровоцировала крестьянскую войну, так и **голодный бунт в феврале 1917 года спровоцировал крестьянское восстание**. И поскольку на этот раз крестьяне имели в руках оружие, и к тому же находились в столице, то все решилось в один день. При такой расстановке сил исход событий был предопределен.

Николай II в это время находился в штабе генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом. При первых известиях о мятеже царь направил к Петрограду четыре полка под командованием генерала Иванова, однако железнодорожники остановили движение эшелонов вблизи Петрограда и отборные полки карателей (даже составлявший охрану царя батальон георгиевских ветеранов) были разогитированы революционерами.

Дальнейшие действия царя зависели от позиции командующих фронтами, а она, свою очередь, определялась боязнью революции на фронте. 1 марта начальник генерального штаба М. В. Алексеев телеграфировал царю о том, что вслед за Петроградом восстала Москва и что революция грозит распространиться на армию [177].

Ночью 2 марта Родзянко после переговоров с Петроградским Советом сообщил Рузскому и Алексееву о том, что положение в столице диктует необходимость отречения. Алексеев запросил мнение командующих фронтами и флотами, сообщив, что сам он выступает за отречение с тем, чтобы предотвратить развал армии; все командующие согласились с мнением Алексеева. Некоторые из них, вслед за Алексеевым, указывали на опасность распространения революции на армию. Командующий Западным фронтом А. Е. Эверт писал: «Я принимаю все меры к тому, дабы сведения о настоящем положении дел в столице не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений». Командующий Балтийским флотом адмирал Непенин телеграфировал: «С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое... Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу» [178].

При обсуждении ситуации снова встал вопрос о наличии надежных частей для борьбы с восстанием. Как говорил Николаю II посланец Думы А. И. Гучков, **«надежных» частей просто не было**: «...Движение захватывает низы, и даже солдат, которым обещают отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт... **Там такой же горючий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы.** Вчера к нам в Думу явились представители... конвоя Вашего Величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению» [179].

Гучкова поддержал генерал Рузский: **«Нет такой части, которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург»** [180]. Взвесив все обстоятельства – и в особенности мнение командующих фронтами – царь подписал заявление об отречении от престола.

Как позиция военных, так и отречение Николая II были прямыми следствиями восстания 170-тысячного гарнизона Петрограда. Единогласное решение командующих фронтами доказывает, что другое развитие событий было невозможно. Угроза развала была очевидной, сотни агитаторов уже направлялись из Петрограда на фронт, и генералы чувствовали, что сидят на пороховой бочке. Восстание на флоте уже началось: 1 марта в Кронштадте мятежные матросы убили адмирала Вирена и более 50 офицеров; 4 марта в Свеаборге погиб адмирал Непенин [181]. 2 марта на псковской станции взбунтовался эшелон 1-го железнодорожного батальона; мятежные солдаты двинулись к царскому поезду, и их остановило лишь известие, что идут переговоры об отречении [182].

Что касается позиции Думы, то о ней лучше всего рассказывает В. В. Шульгин: **«К вечеру, кажется, стало известно, что старого правительства нет... Оно попросту разбежалось по квартирам... Не стало и войск... Т. е. весь гарнизон перешел на сторону “восставшего народа”... Но вместе с тем войска как будто стояли “за Государственную думу”... здесь начиналось смешение... Выходило так, что и Государственная дума “восстала” и что она “центр движения”... Это было невероятно... Государственная дума не восставала... “Я не желаю бунтоваться, – говорил Родзянко. – Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались...”** “Может быть два выхода, – отвечал Шульгин, – все обойдется – государь назначит новое правительство,

мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...» [183]

«Государственной думе не оставалось ничего другого кроме как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию...», – заключает Родзянко [184].

Таким образом, позиция либералов была вынужденной и диктовалась тем, что власть рухнула без их вмешательства. Оппозиционная элита не готовила революцию и не участвовала в ней. Временное правительство лишь «подобрало власть», но, в конечном счете, не смогло удержать ее...